Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.А. Бронзов

Современный антихрист

Опубликовано:
Христианское чтение. 1912. № 1. С. 3-46.

© Сканирование и создание электронного варианта: Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

31 Декабря, 1911 года. Печатать разрѣшается. Ректоръ С.-Петербургской духовной академіи епископъ *Георгій*.

Современный антихристъ.

РАЗУМѢЮ *Эрнеста Геккеля*—профессора Іенскаго Университета...

Апостолъ Іоаннъ Богословъ въ свое время говорилъ:... «*и теперь появилось много антихристовъ*» (1 Іоанн. II, 18)...

Да, ихъ очень много было и есть, между прочимъ, и въ наше время, когда лѣнивый только развѣ не нападаетъ на Христову Церковь и на Ея Главу—Господа нашего Іисуса Христа... Этими антихристами кишитъ наша такъ называемая «интеллигенція», измышляющая рѣшительно все, что только въ силахъ, противъ ненавистнаго ей христіанства. Она, въ цѣляхъ униженія послѣдняго, строитъ языческія капища въ столицѣ, тамъ же воздвигаетъ магометанскія мечети, не прочь удалить изъ учебныхъ заведеній преподаваніе Закона Божія, изъ Университетовъ—Богословія; очень бы хотѣла захватить въ свои руки церковныя школы, чтобы вытравить изъ нихъ противный ей христіанскій духъ и замѣнить его жидо-масонскимъ, — интернаціональнымъ—патріотическій... Да мало ли чего она хотѣла бы?.. Отбившаяся и отъ отечества, и отъ вѣры православной... Она-же поспѣшила въ печальные «освободительные» годы наводнить русскій книжный рынокъ всякою антихристіанскою переводною (въ особенности) макулатурою..., боясь, какъ бы не пропустить удобнаго случая для просвѣщенія русской публики въ антихристіанскомъ духѣ. И съ кѣмъ только она не познакомила русскихъ читателей?

Тутъ видите и старыхъ знакомцевъ, давно уже забытыхъ на своей родинѣ—каждый, но нашими гг. «освободителями» (отъ совѣсти и всего святого) усиленно рекомендуемыхъ впи-

манію «темнаго» (видите ли!) русскаго люда: 1) *Дав. Фр. Штрауса* (его соч. «*Старая и новая вѣра*»,—книгоиздат. «*Мысль*», — Спб. 1906 г.; перев. Ѳ. Капелюша.—«*Жизнь Іисуса*»; перев. М. Синявскаго; т. 1—2; Москва, 1907 г.—«*Жизнь Іисуса*»; перев. подъ ред. І. В. Яшунскаго; Спб. 1907 г...),—2) *Людв. Фейербаха* (его соч. «*Сущность христіанства*»,—перев. В. Д. Ульриха; книгоизд. «*Мысль*»; Спб. 1906 г.),—3) *Людв. Бюхнера* (его соч. «*Сила и матерія*»,—перев. Н. Полилова; Спб. 1907 г.),—4) пресловутаго *Эрнеста Ренана* [см. его соч. «*Жизнь Іисуса*», перев. Е. В. Святловскаго (Спб. 1906 г.) и др., напр., перев. И. М.: Берлинъ, 1896 г. на дурномъ русскомъ языкѣ и проч. лубочные переводы.—«*Антихристъ*» — перев. Е. В. Святловскаго; Спб. 1907 г.—«*Апостолы*»—перев. Е. В. Святловскаго; Спб. 1907 г. Перевед. и другія сочиненія Ренановы...] и т. п. Видите и такихъ лицъ, каковы, напр.: 1) *Альбертъ Ревиль* (его соч. «*Іисусъ Назарянинъ*»; перев. съ антинаучнымъ предисловіемъ проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго; Спб. 1909 г., т. 1—2),—2) *Густавъ Френсенъ* (его соч. «*Рукопись изъ романа Hilligenlei. Жизнь Іисуса*»; перев. Арн. Гюберта; Спб. 1907 г.),—3) *Вильгельмъ Вейтлингъ* (его соч. «*Евангеліе бѣднаго грѣшника*»; перев. А. Ц—на; книгоиздат. «*Мысль*», Спб. 1907 г.),—4) *Максъ Штирнеръ* (Каспаръ Шмидтъ) (его соч. «*Единственный и его собственность*»; перев. В. Ульриха; книгоизд. «*Мысль*», Спб. 1906 г.),—5) нашумѣвшій на весь міръ *Фр. Ницше* (особенно см. его соч. «*Антихристіанинъ*». «*Опытъ критики христіанства*», перев. В. А. Флеровой; Спб. 1907 г. «*Генеалогія морали*»; перев. В. А. Вейнштока, Спб. 1908 г. Не говоримъ уже о другихъ переводахъ этихъ и иныхъ сочиненій «больного» философа: переводахъ, напр., А. Ачкасова, М. Моделя, Л. Соколовой и мног. др.),—6) *Іосифъ Дицгенъ* (его «*Мелкія философскія статьи*», перев. Г. Руссота, Спб. 1907 г.—«*Религія соціалъ-демократіи*», перев. С. М. Компаніѣйца; Спб. 1906 г. и др.),—7) *Ивъ Гюйо* (см. его соч. «*Соціальныя ученія христіанства*», перев. Ѳ. Капелюша; книгоизд. «*Мысль*», Спб. 1907 г.),—8) *Антъ. Менгеръ* (его соч. «*Соціализмъ и этика*»=«*Новое ученіе о нравственности*»; перев. М. Цейнера, Одесса, 1905 г.; перев. *Д. Іолиса*, Спб. 1906 г.; перев. А. Даманской, Спб.; перев. подъ ред. Ю. Д. Филиппова, Спб., 1906 г.; перев. подъ ред. проф. М. А. Рейснера, Спб. 1906 г. и др.),—9) *Карлъ Каутскій* (его сочин.

«*Этика и матеріалистическое пониманіе исторіи*»; перев подъ ред. Ф. Дана; Спб. 1906 г.; перев. N, Одесса, 1906 г.) (ср. *его же* «*Античный міръ, іудейство и христіанство*», перев. Н. Рязанова; Спб. 1909 г.),—10) *А. Бебель* (его соч. «*Христіанство и соціализмъ*», перев. Е. и П. Леонтьевыхъ; Спб. 1906 г. «*Женщина и соціализмъ*», перев. В. А. Поссе; Москва, 1905 г.),—11) *Рих. Кальверъ* («*Христіанство и соціалдемократія*», перев. Н. Гордонъ; Спб. 1906 г.) и *весьма многіе другіе*, которыхъ нѣтъ возможности и перечислить.

«Интеллигенція» предупредительно все сдѣлала, чтобъ напитать ядомъ антихристіанства русскую душу,—и ужъ не ея вина, если не вполнѣ достигла своей «культурной» цѣли, которою она гордится...

Помимо переводовъ «классическихъ» западныхъ антихристіанскихъ сочиненій, она дала много и самостоятельныхъ—русскихъ, направленныхъ къ той же цѣли. Чего стоятъ, напр., одинъ яснополянскій графъ Толстой и сосредоточившаяся около его имени огромная антихристіанская литература? И тотъ, и другая поспорятъ съ любыми западными безбожными произведеніями... Прочитайте хотя бы одно, напр., Толстовское «*Возстановленіе ада*» (Спб. 1905 г.), чтобы видѣть, какіе антихристы водятся и на «Руси», бывшей когда-то «Святою»... Меньшаго калибра антихристовъ русскихъ уже не видимъ надобности называть..., по крайней мѣрѣ, здѣсь...

Наша антихристіанская «интеллигенція» равна себѣ. Въ тотъ моментъ, когда пишу эти строки, въ «*Новомъ Времени*» (15 Ноября 1911 г., № 12816, стр. 7) появилась замѣтка объ «Еврейскомъ надругательствѣ надъ русской святыней». «Боковая дверь царскихъ вратъ деревенской церкви» оказалась вдѣланною «въ заборъ усадьбы еврея Абрума Тафта, подлѣ отхожаго мѣста». На двери — «изображеніе Архангела Гавріила. Лицо» его «было чѣмъ-то изрублено, а нижняя часть иконы выпачкана экскрементами»... Виновною оказалась еврейка «Хая Тафтъ», которая, затѣмъ, и «была заключена въ тюрьму»... Какъ же отнеслась къ этому факту наша антихристіанская интеллигенція? «Русская интеллигенція» («въ гор. Звенигородкѣ», гдѣ дѣло происходило) «стала ходатайствовать» (еще бы!) «за попавшую въ бѣду несчастную» (скажите, пожалуйста!) «женщину, а группа чиновниковъ послала въ Кіевъ коллективное заявленіе» не о своемъ возмущеніи гнусными еврейскими продѣлками, какъ то ожидалось бы..., а «о томъ, что Хая Тафтъ—

прекрасная, благородная» (представленіе о «благородствѣ», какъ видите, совсѣмъ «интеллигентское»!) «женщина, которая по недоразумѣнію» (?? Это послѣ того, какъ рабочіе предупреждали ее обо всемъ? Хорошо недоразумѣніе, чисто «интеллигентское»!..) «дала православной иконѣ не надлежащее примѣненіе» (чего стоитъ здѣсь одинъ канцелярскій дубовый языкъ?...)... Дожили мы, однако, до временъ, гнуснѣе которыхъ невозможно ничего болѣе и представить себѣ!

Вотъ эта самая «интеллигенція» предупредительно поспѣшила познакомить русскую публику и съ пресловутымъ *антихристомъ современнымъ—Геккелемъ*.

Въ частности, были переведены сочиненія Геккеля: «*Міровыя загадки*» (перев. Ѳ. Капелюша; книгоиздат. «Мысль»; Спб. 1906 г.; были и другіе переводы и полные, и сокращенные),—«*Чудеса жизни*» (перев. Н. А. Алексѣева; Спб. 1908 г.), представляющія собою «дополнительный томъ» къ предыдущему сочиненію Геккелеву; «*Естественная исторія міротворенія*» (Спб. 1908 г., ч. 1: «*Общее ученіе о развитіи. Трансформизмъ и дарвинизмъ*»); *Міровоззрѣніе Дарвина* и *Ламарка*» (переводъ Л. Р.; Спб. 1909 г.) и проч. (о чемъ см., напр., въ «*Энциклопедическомъ Словарѣ*» *Брокгауза—Ефрона*; полут. 15; Спб. 1892 г., стр. 264; см. и у друг.).

Эрнестъ Геккель считается «однимъ изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ зоологовъ въ Германіи». Онъ «род. въ 1834 г.», «изучалъ медицину и естествознаніе въ Вюрцбургѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ». «Для зоологическихъ изслѣдованій предпринималъ» немало ученыхъ «поѣздокъ». Много «путешествовалъ». Съ «1862 г.—профессоръ Іенскаго Университета». Онъ «былъ однимъ изъ первыхъ германскихъ зоологовъ, рѣшительно высказавшихся въ пользу теоріи Дарвина». Геккель всегда отличался рѣзкою смѣлостью въ предположеніяхъ и выводахъ. Посему «многіе взгляды и обобщенія» его «шли далеко за предѣлы точнаго знанія», вслѣдствіе чего «многое въ нихъ оказалось позднѣе невѣрнымъ или одностороннимъ». Онъ «выдвинулъ цѣлый рядъ вопросовъ первостепенной важности»... (ibid.; статья Н. Книповича).

По словамъ проф. Арнольда Ланга (Цюрихскаго), «торжество дарвинизма въ романскихъ странахъ»... есть «скорѣе заслуга Геккеля, чѣмъ самого Дарвина» (чит. рѣчь Ланга: «*Эрнстъ Геккель, какъ человѣкъ и ученый*»; напечат. при «*Міровыхъ Загадкахъ*»: цитов. изд., стр. IX). Дарвинъ «подви-

гался впередъ медленно и осторожно»... «Присоединившійся» къ нему Геккель, напротивъ, «рвался впередъ» стремительно... «Бодро и смѣло перешелъ въ наступленіе, и его талантъ вождя», также «обаяніе его личности увлекло за нимъ его соратниковъ; однимъ могучимъ натискомъ онъ завоевалъ страны и народы» (ibid., VIII). Вотъ онъ—препрославленный «нѣмецкій Дарвинъ!»...

Изъ множества сочиненій Геккеля обращаютъ на себя вниманіе богослова и—въ частности—богослова-моралиста особенно упомянутыя «*Міровыя Загадки*». Здѣсь Іенскій профессоръ высказался слишкомъ ясно и рѣшительно, такъ что и сомнѣній относительно его положенія къ христіанству отселѣ уже не остается никакихъ. А, кромѣ того, данное сочиненіе въ высшей степени широко распространено всюду и пользуется огромной популярностью, что̀, въ свою очередь, естественно приковываетъ къ нему взоры и богослова прежде всего и въ особенности. Сочиненіе вышло въ свѣтъ впервые «осенью 1899 года». А «2 апрѣля 1903 года» Геккель писалъ, между прочимъ (см. «*Послѣсловіе къ книгѣ о Міровыхъ Загадкахъ*», стр. 213—214): «теперь какъ разъ выходитъ дешевое народное изданіе моей книги (съ послѣднимъ, восьмымъ изданіемъ ея, она разошлась на нѣмецкомъ языкѣ въ количествѣ 16.000 экземпляровъ)... За послѣдній годъ меня съ различныхъ сторонъ уговаривали приступить» къ такому изданію... «Я рѣшился на это лишь теперь» и именно вслѣдствіе «большого успѣха моей книги въ англійскомъ переводѣ»... Лондонское «дешевое народное изданіе въ теченіе трехъ мѣсяцевъ разошлось въ 30.000 экземпляровъ...» Изумительный успѣхъ «Міровыхъ Загадокъ», словомъ, безспоренъ... и не только въ указанныхъ странахъ, но и въ другихъ, напр., въ Россіи, что мы можемъ смѣло удостовѣрить на основаніи имѣющихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ...

И такъ, что же это за «*Міровыя Загадки*»? О чемъ въ нихъ рѣчь?

Книга эта—«общедоступные очерки монистической философіи». Геккель считаетъ себя ея отцомъ,—основателемъ современнаго «монизма». Основныя положенія монистической философіи, по словамъ самого Геккеля, таковы: «матеріальный міръ и безтѣлесный міръ духа образуютъ одну единую, нераздѣльную и всеобъемлющую область вселенной». «Міръ и Богъ являются одной общей субстанціей (матерія и энергія—нераз-

дѣльные аттрибуты ея)». «Космосъ (вселенная) вѣченъ и безконеченъ, не былъ созданъ и развивается согласно вѣчнымъ законамъ природы». «*Законъ субстанціи* (сохраненіе матеріи и энергіи) господствуетъ безъ исключенія во всѣхъ явленіяхъ; все совершается естественно». Нѣтъ «какой-то *особой жизненной силы*, независимой отъ физическихъ и химическихъ силъ и выступающей рядомъ съ ними». «Душа человѣка не есть особое безсмертное существо, а возникла естественнымъ путемъ изъ души животнаго; она ничто иное, какъ комплексъ функцій нашего мозга» (см. «*Міров. Заг.*», стр. 203)... *Міръ* (Космосъ) являетъ собою одно нераздѣльное цѣлое, единое *царство субстанціи*; два нераздѣльныхъ его аттрибута—*матерія* (имѣющее протяженіе вещество) и *энергія* (дѣйствующая сила). Сообразно съ этимъ, вся область науки тоже представляетъ собое единое цѣлое; такъ называемыя *науки о духѣ* являются лишь частью всеобъемлющаго *естествознанія*; всякая истинная наука покоится на эмпиріи, а не на трансцедентности. *Всѣ* явленія (въ *природѣ* и въ *духовной* жизни) познаются исключительно *эмпирическимъ* путемъ (съ помощью нашего мозга и органовъ чувствъ). Всякое такъ называемое *откровеніе* или трансцедентизмъ покоятся на сознательномъ или безсознательномъ обманѣ. *Законъ субстанціи* одинаково дѣйствуетъ въ области *природы* и *духа* и не знаетъ никакихъ исключеній. Даже въ самыхъ сложныхъ функціяхъ духовной жизни (представленіе и мышленіе) работа нервныхъ клѣтокъ необходимо связана съ матеріальными измѣненіями ихъ субстанціи (нервной плазмы), точно такъ же, какъ связаны сила и матерія во всякомъ другомъ естественномъ процессѣ» (ibid., стр. 202).

Сущность монистической философіи выясняется въ «Міровыхъ Загадкахъ» въ четырехъ частяхъ, раскрывающихъ монистическій взглядъ на «человѣка», «душу», «міръ» и «Бога».

Число «міровыхъ загадокъ»—*семь*: «1) сущность матеріи и силы; 2) происхожденіе движенія; 3) возникновеніе жизни; 4) (повидимому, преднамѣренная) цѣлесообразность въ природѣ; 5) возникновеніе простѣйшихъ ощущеній и сознанія; 6) разумное мышленіе и происхожденіе тѣсно связаннаго съ нимъ языка; 7) вопросъ о свободѣ воли» (ibid., стран. 8).

Освѣщая эти загадки, Геккель настаиваетъ на томъ, что «во вселенной безраздѣльно царятъ вѣчные, желѣзные, могучіе законы», и отъ имени своей монистической философіи «сводитъ съ пьедестала три главныя, центральныя догмы прежней» (?)

«дуалистической философіи: личнаго Бога, безсмертіе души и свободу воли»... (ibid., стр. 199).

Сколь глубокіе корни успѣлъ пустить монизмъ, объ этомъ до извѣстной степени можетъ свидѣтельствовать, напр., «первый конгрессъ монистовъ», состоявшійся «8—11 сентября н. ст. въ Гамбургѣ» и представленный членами въ количествѣ «до 800 человѣкъ» [ср. статью *о. Н. Н. Сахарова* въ «*Богосл. Вѣстникѣ*» (1911 г., ноябрь...): «*Союзъ монистовъ и борьба съ нимъ въ Германіи*]. На конгрессѣ, получившемъ массу «привѣтствій» отъ сочувствовавшихъ монизму лицъ, были произнесены крикливыя «монистическія» рѣчи... Предсѣдатель заявилъ, что онъ «открываетъ монистическій вѣкъ»... Впрочемъ, еще болѣе хвастливыхъ вещей можно было ожидать отъ такихъ легкомысленныхъ quasi-ученыхъ, каковы, напр., пресловутый Іодль, безъ «тенденціозности», кажется, и не выходящій даже на прогулку,—кривляющійся Оствальдъ и др. (см. о съѣздѣ небольшое сообщеніе въ «*Церк. Вѣстникѣ*»: 1911 г., № 41, colonn. 1292—1293). Читая хвастливые доклады этихъ господъ «ученыхъ», невольно вспоминаете о синицѣ, обѣщавшей сжечь море, но—увы!—оставшейся при одномъ только крикливомъ обѣщаніи.

Съ одной стороны встрѣтившіе сочувственный пріемъ, съ другой—взгляды Геккеля вызвали энергичную критику. Возникла обширная критическая литература. Появились, напр., сочиненія: *Dennert'a* [1) «Die Weltanschauung des modernen Naturforschers»—Stuttgart, 1907 J. Глава о Геккелѣ была особо напечатана въ 1906 г. подъ заглавіемъ: «Haeckels Weltanschauung»—Stuttgart. 2) «Die Wahrheit über Ernst Haeckel und seine Welträtsel». «Nach dem Urteil seiner Fachgenossen, beleuchtet von Dr. phil. Dennert». Halle, 1908 J. Книга переведена на русскій языкъ В. И. Колмовскимъ подъ ред. С. П. Никитскаго: «Д-ръ Е. Деннертъ. Геккель и его Міровыя Загадки по сужденіямъ спеціалистовъ». Москва, 1909 г.],—*Loofs'a* («Anti—Haeckel». 5-te Auflage. Halle, 1906 J.),—*Engert'a* («Der naturalistische Monismus Haeckels auf seine wissenschaftliche Haltbarkeit geprüft von Dr. Joseph Engert». Wien, 1907 J.),—*Brander'a* («Der naturalistische Monismus der Neuzeit oder Haeckels Weltanschauung, systematisch dargelegt und kritisch beleuchtet von Dr. Vitus Brander». Paderborn, 1907 J.),—*Reinke* («Haeckels Monismus und seine Freunde». Leipzig, 1907 J.),—*Steude* («Die monistische Weltanschauung, dargestellt

und geprüft von Lic. E. G. Steude». Gütersloh, 1898) и весьма многихъ другихъ ученыхъ, обильно перечисленныхъ напр., у Engert'a (на пяти страницахъ упомянутаго его труда,, куда любознательныхъ и отсылаемъ.—На русскомъ языкѣ появились сочиненія: *проф.—прот. Т. И. Буткевича* («Философія монизма». «Критическій разборъ сочиненія Геккеля Die Welträthsel». Харьковъ, 1900 г. Оттискъ изъ журнала «Вѣра и Разумъ» за 1900 годъ. Здѣсь подробно оцѣниваются всѣ четыре части Геккелева труда,—только въ иномъ нѣсколько порядкѣ: четвертая часть, первая, вторая и третья),—*проф. О. Д. Хвольсона* («Гегель, *Геккель*, Коссутъ и Двѣнадцатая заповѣдь. Критическій этюдъ». СПБ. 1911 г. Перев. съ нѣмецкаго),—*Свящ. Н. И. Липскаго* («Натуралистическій монизмъ Геккеля. Критическое разсмотрѣніе основъ монистической философіи. Харьковъ, 1911 г. Здѣсь указана и «современная нѣмецкая литература противъ эволюціонизма». Книга—оттискъ изъ того же харьковскаго журнала),—*Оливера Лоджа* («Жизнь и матерія. Критика Міровыхъ Загадокъ профессора Геккеля. Перев. съ англ. яз. С. С. Розанова»... Москва, 1908 г.),—*проф. М. М. Тарѣева* («Э. Геккель. Монистическая этика. Популярный очеркъ». Серг. Посадъ, 1908 г. Оттискъ изъ журн. «Богословскій Вѣстникъ») и друг. Къ трудамъ этихъ ученыхъ могу присоединить и *мой*: «Христіанская заповѣдь о любви—новая заповѣдь. Противъ Геккеля, Саладина и пр.» (Москва. 1908 г. Оттискъ изъ журн. «Душеполезное Чтеніе»)... Ср. отчасти *мою* статью: «*Геккель и бумага за номеромъ*» (въ «*Ц. Вѣстн.*» 1910 г., № 49).

Всѣ серьезные критики очень строго и рѣзко осудили монистическія выдумки Геккеля. Осудили, можно сказать, представители всякаго рода спеціальностей.

Такъ, физикъ Хвольсонъ утверждаетъ, что у Геккеля налицо «печальный недостатокъ элементарныхъ физическихъ познаній» (стр. 95),—что у Іенскаго профессора... «каждая строка ошибочна, и что все вмѣстѣ представляетъ фантазію, которая, во всѣхъ своихъ частяхъ. ровно ни на чемъ не основана и грубо противорѣчитъ наукѣ»... (стр. 109),—что въ нѣкоторыхъ случаяхъ «охватываютъ историка, физика... возмущеніе, озлобленіе и сомнѣніе въ здравомъ разсудкѣ» Геккеля (стр. 111)... «При чтеніи Міровыхъ Загадокъ», говоритъ проф. Хвольсонъ, «мѣстами волоса дыбомъ становятся. Все, буквально все, что Геккель говоритъ, объясняетъ и утверждаетъ при упоминаніи вопросовъ физики, ошибочно, основано на недоразу-

мѣніяхъ, или указываетъ на почти невѣроятное незнакомство съ самыми элементарными вопросами. Даже относительно закона, который онъ объявляетъ путеводной звѣздой своей философіи, онъ не обладаетъ элементарнѣйшими школьными свѣдѣніями. И вооруженный такимъ абсолютнымъ незнаніемъ» и пр. (стр. 117—118)... «Съ большою степенью достовѣрности мы можемъ предположить, что» Геккель «одинаково отнесся» и «къ многимъ небіологическимъ отраслямъ науки, которыя онъ разсматриваетъ или которыхъ хотя бы только касается въ своемъ сочиненіи. Недурное подтвержденіе такого предположенія... мы нашли», говоритъ русскій профессоръ, «въ мѣстахъ» Геккелевскаго сочиненія, «относящихся къ астрономіи» (стр. 118). Это—золотыя слова О. Д. Хвольсона. Они, какъ увидимъ ниже, оправдаются всецѣло, поскольку имѣть въ виду, въ частности, и разсужденія Геккеля въ сферѣ христіанства и христіанскаго ученія. «Міровыя Загадки Геккеля можно назвать», по Хвольсону, «типичными для тѣхъ сочиненій, авторы которыхъ относятся съ презрѣніемъ къ двѣнадцатой запозѣди: *Никогда не пиши о томъ, чего ты не понимаешь*»... (стр. 118). «Передъ могилой Міровыхъ Загадокъ никто не сниметъ шляпы... Вступая въ чуждыя ему области», Геккель «сталъ смѣшивать поверхностное разглагольствованіе профановъ со строгой наукой и позволилъ себѣ написать такія фразы, которыя оставляютъ далеко за собой самыя плохія и самыя смѣшныя естественно-научныя изрѣченія не-естествоиспытателей! Здѣсь не можетъ быть прощенія; здѣсь возможно только одно — забвеніе!»... (стр. 119). «Присутствовала ли»,—спрашиваетъ проф. Хвольсонъ,—на берлинскихъ лекціяхъ Геккеля «*она*, несравненная Берлинская наука?»... (стр. 120)...

Недурная характеристика нѣмецкаго Дарвина,—отца современнаго монизма! И она идетъ изъ лагеря не богослововъ, которые-де могутъ тенденціозно оцѣнивать этого немудраго мониста, а—физиковъ!

Философъ Паульсенъ говоритъ о «Міровыхъ Загадкахъ»: «я съ жгучимъ стыдомъ прочиталъ эту книгу»... Хорошо же, однако, «общее и философское образованіе у нашего народа! Что такая книга была возможна, что она написана, напечатана, продается, читается... у народа, имѣющаго Канта, Гете, Шопенгауера, этому мучительно» вѣрить... (*Brander*; op. cit., S. 349).

Богословъ Loofs категорически заявляетъ, что у Геккеля

нѣтъ «нормальной научной совѣсти» (op. cit. Loofs'a: S. 74). У Геккеля не ищите «языка науки». У него всюду лишь «языкъ водевильнаго репортера», думающаго, конечно, не о правдѣ, а лишь о «пикантности» «своихъ сообщеній» (S. 73)... Loofs не даетъ никакой пощады Геккелю и, какъ послѣ увидимъ, поступаетъ совершенно справедливо. Въ свое время мы уже убѣдились въ этомъ, оцѣнивая Геккелевскій взглядъ на христіанское ученіе о любви (см. наше цитов. соч.). Ниже убѣдимся въ томъ же еще и еще...

Естествовѣдъ и философъ Деннертъ, возмущенный «безчестными пріемами геккелизма», взялся за «перо, чтобы показать публикѣ, какого сорта—человѣкъ» (Геккель), «который осмѣливается забрасывать христіанство ядовитою слюною и который съ невѣроятною дерзостью пытается преподнести людямъ пустой вздоръ, какъ новую монистическую религію» (цит. соч. Деннерта: «*Геккъ. и его М. Заг. по сужд. спец.*»; Москва, 1909 г., стр. IV, 18—19). Научное невѣжество и недобросовѣстность Геккеля—какъ естествовѣда—сказались особенно въ извѣстной «исторіи о трехъ клише», когда этотъ крикливый господинъ «одинъ и тотъ же рисунокъ назвалъ зародышевымъ яйцомъ человѣка, другой разъ—яйцомъ обезьяны, третій—яйцомъ собаки»... (стр. 20). Геккеля упрекаютъ за то, что «вдалбливаетъ публикѣ лишь недоказанныя, а часто и недоказуемыя или ложныя догмы»..., что «пользуется гнилою веревкою мнимо-научнаго изслѣдованія» (стр. 42). «Для достиженія» той или другой цѣли у Геккеля «всякое средство пригодно». Онъ даже способенъ «кое-что и подсовывать» непріятному для него автору, съ которымъ полемизируетъ (стр. 61). Геккель завѣдомо «лгалъ» (стр. 69. 70)... «Геккель въ наукѣ—мертвый человѣкъ» (стр. 104)... «Каждый честный читатель Міровыхъ Загадокъ придетъ къ выводу..., что у Геккеля все—на вѣтеръ» (стр. 155) и т. д.

Выписками изъ книги Деннерта объ истинной стоимости Геккелевскихъ «Міровыхъ Загадокъ» можно было бы наполнить множество страницъ!

Ботаникъ Reinke выяснилъ, «что и біологическое содержаніе Міровыхъ Загадокъ едва ли можетъ быть названо болѣе научнымъ, нежели физическое, богословское и философское» (Brandes: op. cit., S. 349)... А голосъ физики, богословія и философіи въ данномъ случаѣ намъ уже извѣстенъ. Дальнѣйшій выводъ, посему, слишкомъ ясенъ, и едва ли нужно приводить его...

Послѣ того, какъ лучшій цвѣтъ науки аттестовалъ Геккеля самымъ безпощаднымъ образомъ, воистину комично читать развязныя о немъ сужденія господъ въ родѣ нѣкоего М. М. Филиппова, редактировавшаго одинъ изъ русскихъ переводовъ «Міровыхъ Загадокъ» (Москва; изд. Д. П. Ефимова; годъ изд. не показанъ по безобразной новой манерѣ). Невѣжественный редакторъ развязно говоритъ, напримѣръ: «нѣкій д-ръ Даннертъ написалъ...: какъ извѣстно, Эрнстъ Геккель понимаетъ въ христіанствѣ ровно столько, сколько оселъ въ логариѳмахъ»,—написалъ и,—видите ли,—ео ipso заявилъ объ «отсутствіи» въ немъ—«Даннертѣ»—«уваженія къ наукѣ и ея представителямъ» (стр. II; «Предислов. редактора перевода»)... Для г. редактора данный ученый—«нѣкій» и только, почему онъ и называетъ его не Деннертомъ, какъ слѣдовало, а Даннертомъ, тѣмъ самымъ обнаруживая свое полнѣйшее научное невѣжество. «Деннертъ»—и «нѣкій!..» И если знаменитый (а не «нѣкій») Деннертъ обличаетъ Геккеля во «лжи», въ «подтасовкахъ», въ «выдумкахъ»...,—обличаетъ съ фактами въ рукахъ, то,—видите ли,—онъ чрезъ это не воздаетъ яко бы должнаго «уваженія» «къ наукѣ», къ ея «представителямъ!» Какая тутъ наука? Если человѣкъ не имѣетъ ничего общаго съ истинною наукою, то о какомъ оскорбленіи ея можетъ быть рѣчь, когда такого человѣка разоблачаютъ, выводятъ на чистую воду?..

Личность Геккеля, такимъ образомъ, въ общемъ достаточно извѣстна намъ...

Для насъ имѣетъ интересъ въ особенности 19-я глава «*Міровыхъ Загадокъ*»: «*Наше монистическое ученіе о нравственности*» (и нѣкоторое—18-я: «*Наша монистическая религія*»; 15-я: «*Богъ и міръ*»; 16-я: «*Знаніе и вѣра*»; 17-я: «*Наука и христіанство*»...).

При этомъ замѣтимъ, между прочимъ, что три главы книги, именно—15-я, 17-я и 18-я, въ позднѣйшихъ русскихъ ея переводахъ (напр., цитов.—подъ ред. М. М. Филиппова) выпущены, должно быть, по цензурнымъ соображеніямъ: очевидно, не можетъ переварить ихъ даже и наша «интеллигентная» публика, среди которой только «единицы» еще раздѣляютъ «вѣру и молитву народа», а прочіе—увы!—«безрелигіозны и даже безбожны (*С. Булгаковъ*: «*Два града. Изслѣдованія о природѣ общественныхъ идеаловъ*». Т. 2-й; Москва, 1911 г., стр. 131, 132...) (ср. *В. В. Розанова*: «*Церковь и Дума*»; *Нов.*

Время: 18 ноября 1911 г., № 12819, стр. 3)..., что, однако, не мѣшаетъ этимъ господамъ (вмѣстѣ съ мусульманами, католиками, соціалистами, евреями...) рѣшать, напр., въ Государственной Думѣ, вопросы вѣроисповѣдные, вопросы православной вѣры и Церкви (казалось бы, «что имъ Гекуба?» За то хороши и рѣшенія!..)...

Дѣйствительно, стоитъ хотя бы только бѣгло заглянуть въ тѣ и подобныя имъ главы, чтобы видѣть, что—за «антихристъ» предъ вами въ лицѣ Геккеля?

Тамъ пресловутый «поддѣлыватель», «лжецъ», не имѣющій «нормальной научной совѣсти»... ученый (?!) глумится надъ христіанскимъ ученіемъ о Пресвятой Троицѣ (на одномъ-де урокѣ школьникамъ преподаютъ, что «трижды одинъ—одинъ», а на другомъ, что «трижды одинъ—три»...) (гл. 15-я: стр. 145; цитов. пер. Капелюша). Проповѣдуетъ «пантеизмъ» (стр. 151...), хотя послѣдній есть-де «лишь вѣжливый атеизмъ» (стр. 152)... Въ другомъ мѣстѣ смѣется надъ «божественнымъ вдохновеніемъ», «на» которомъ-де въ христіанствѣ «построены многочисленные миѳы и легенды» (гл. 16-я: стр. 161). Въ иныхъ случаяхъ говоритъ о «баснословномъ *томъ* свѣтѣ» (глава 17-я: стр. 166), указываетъ на «басню объ Іисусѣ Христѣ» (стр. 167), упоминаетъ о «миѳологическихъ догматахъ», т. е., о христіанскомъ вѣроученіи (173), и безконечно кощунственно и цинично разсуждаетъ по вопросу о рожденіи Господа и объ Его Пречистой Матери (стр. 172, 173)... Его ужасно подмываетъ «свести счеты съ господствующей христіанской религіей» (18-я глава: стр. 176). «Церковь»—это, видите ли, «громоотводъ отъ свободной науки» (стр. 178)! «Изображенія святыхъ... вводятъ вѣрующаго въ богатую сокровищницу легендъ, накопленныхъ церковной фантазіей. Эти легенды и чудеса выдаются и принимаются за дѣйствительныя событія» (стр. 178)... Вотъ какъ разсуждаетъ развязный Іенскій циникъ. «Гдѣ... *тотъ* свѣтъ»,—говоритъ онъ,—«и въ чемъ заключается его блаженство, этого намъ до сихъ поръ не открыло никакое откровеніе»... «Теперь»,—продолжаетъ кощунникъ,—«для... *безсмертныхъ душъ* нашихъ наступили плохія времена»... (стр. 180). «Человѣкъ нашего времени», по словамъ Геккеля, «не нуждается въ особыхъ церквахъ» и т. д. (стр. 181).

По вопросамъ христіанской этики, насъ интересующимъ въ настоящемъ случаѣ, Геккель—антихристъ нашихъ дней—высказывается вполнѣ опредѣленно и ясно. Въ частности, онъ

признаетъ «эквивалентность эгоизма и альтруизма», «полное равноправіе этихъ естественныхъ»-де «влеченій». Утверждаетъ, что «себялюбіе и любовь къ ближнему—эквивалентные моральные факторы». «Это»-де «самый важный, фундаментальный принципъ нашей» (т. е., монистической) «морали». Отсюда «идеалъ всякаго разумнаго ученія морали... заключается въ естественномъ равновѣсіи между альтруизмомъ и эгоизмомъ, въ синтезѣ между любовью къ собственной персонѣ и любовью къ ближнимъ»... (стр. 183,—гл. 19-я; ср. стр. 177,—гл. 18-я...). Это—разъ. Далѣе, если-де эгоизмъ и альтруизмъ равносильны, то, слѣдовательно, основнымъ правиломъ этики, «правиломъ золотымъ», какъ его принято называть, будетъ такое: «поступай съ другими такъ, какъ ты желалъ бы, чтобы поступали съ тобой»... (стр. 183). Это—два (сравн. стр. 164 въ главѣ 17-й). Въ-третьихъ, данное «золотое правило» или «золотой законъ», въ отношеніи къ которому-де «монистическая этика вполнѣ согласна съ ученіемъ христіанской морали», не есть, по Геккелю, достояніе христіанства только. Даже болѣе того: «золотое правило на пятьсотъ лѣтъ старше Христа». «Оно извѣстно было»: «Питтаку изъ Митилены, Конфуцію—великому китайскому философу, Аристотелю, Ѳалесу, Исократу, Аристиппу, Сексту пиѳагорейцу, Солону, Сократу, Платону и др.» Да и вообще-де «во всемъ ученіи Христа нѣтъ ни одного разумнаго и практическаго моральнаго тезиса, котораго не проповѣдывали бы до него другіе»... (стр. 184; ср. 183; ср. въ 17-й гл. стр. 164-ю; въ 18-й гл. стр. 177-ю), даже Будда (стр. 184). «Чувство долга», обязывающее насъ при этомъ къ извѣстнымъ отношеніямъ къ другимъ, «покоится на реальной почвѣ соціальныхъ инстинктовъ», а вовсе-де «не на иллюзіи категорическаго императива» (стр. 182—183)... Въ-четвертыхъ, «отрадную гармонію» между христіанствомъ и монизмомъ, «къ сожалѣнію, нарушаетъ»,—по словамъ Геккеля,—«то обстоятельство, что»-де «въ евангеліяхъ и въ посланіяхъ Павла имѣются еще другіе этическіе элементы, которые находятся почти въ діаметральномъ противорѣчіи съ» указаннымъ «верховнымъ закономъ морали». Геккель не безъ злорадства, конечно, говоритъ, что «христіанскіе богословы тщетно»-де «старались стушевать эти очевидныя и досадныя противорѣчія съ помощью искусственныхъ толкованій». Какія же это, однако, «противорѣчія?» «Этими печальными сторонами христіанскаго ученія, несовмѣстимыми съ болѣе совершеннымъ»-

де (каково?) «міровоззрѣніемъ нашего времени и въ своихъ практическихъ результатахъ нерѣдко приносящими даже прямой вредъ», являются (по Геккелю) въ частности: «отрицательное отношеніе христіанской морали къ собственной личности, къ требованіямъ плоти, къ природѣ, культурѣ, семьѣ и женщинѣ» (стран. 184; сравн. въ 17-й гл. стр. 165, 166; въ 18-й гл. стр. 177...). Въ-пятыхъ, Геккель порицаетъ «мораль папизма» за многія ея прегрѣшенія: за страшный «развратъ» католическаго духовенства, обусловливаемый обязательностію для послѣдняго безбрачія, — за требуемыя и проповѣдуемыя ею «исповѣдь и отпущеніе грѣховъ». Онъ говоритъ, что «всѣ эти три учрежденія не имѣютъ»-де «ничего общаго съ первоначальнымъ христіанствомъ и являются прямымъ издѣвательствомъ надъ этикой чистаго христіанства..., разсчитанныя на то, чтобы сохранить за собой господство надъ легковѣрными народными массами и высасывать изъ нихъ всѣ соки» (стр. 188) (ср. 17-ю гл., стран. 165)...

Дальше намъ и слѣдуетъ разобраться въ положеніяхъ и утвержденіяхъ Іенскаго профессора,—насколько они въ дѣйствительности справедливы и обоснованны,—насколько притязанія «антихриста» нашихъ дней, яраго врага Христова, рвущагося «свести счеты съ христіанствомъ», имѣютъ подъ собою какую-либо почву?

Но при этомъ мы не станемъ говорить о «морали папизма», потому что она, какъ извѣстно, не совпадаетъ не только съ православною, но и вообще съ христіанскою даже въ несобственномъ смыслѣ слова: защищать ее, посему, намъ нѣтъ ни надобности, ни малѣйшаго желанія. Истинный же ея смыслъ и дѣйствительная ея цѣнность нами уже освѣщены на страницахъ «*Христіанскаго*» же «*Чтенія*» (1902 г.; май, іюнь, іюль: «*Размышленія объ іезуитской морали—древней и новой*». Есть и отдѣльное изданіе. 1896 г.; ноябрь—декабрь: «*Общая характеристика современнаго состоянія Вѣнскаго Университета и постановка въ немъ науки Нравственнаго Богословія въ 1895—1896 уч. г.*» Есть и отдѣльное изданіе),—«*Православной Богословской Энциклопедіи*» (т. 6-й, colonn. 225—232: «*Іезуитская мораль*»),—«*Странника*» (1905 г., іюль: «Slavorum litterae theologicae»; сентябрь: «*Образчикъ іезуитской полемики*»; 1906 г., январь: «*Іезуитская беззастѣнчивость*») и друг. изданій (см., напр., *мое* изслѣдованіе: «*Нравственное Богословіе въ Россіи въ теченіе 19-го столѣ-*

тія»; Спб. 1901 г. Печаталось и въ «*Христіанскомъ Чтеніи*» за 1901 годъ. См. также *мои* многочисленныя журнальныя рецензіи о католическихъ системахъ «Theologiae moralis»)... Что касается вопросовъ о «безбрачіи» римско-католическаго духовенства, о католической «исповѣди» и «отпущеніи грѣховъ»..., то рѣчь о нихъ *не входитъ въ нашу задачу*,—а всякаго интересующагося вопросами этими можемъ отослать къ капитальному современному труду *Прот. Н. П. Малиновскаго:* «*Православное Догматическое Богословіе*» (т. 4-й; Серг. Посадъ, 1909 г.; «покаяніе»: §§ 163—168; «священство»: §§ 169—176), гдѣ указана и литература предметовъ. Это—во-первыхъ.

Не будемъ заниматься и обоснованіемъ факта «нравственной свободы» человѣка (отвергаемой, какъ сказано выше, Геккелемъ),—потому что старыя данныя противъ допущенія въ человѣкѣ такой свободы уже давно разобраны и опровергнуты въ безчисленныхъ произведеніяхъ богослововъ и психологовъ и повторять ихъ здѣсь было бы излишне (см. для примѣра въ сочиненіи *о. І. Л. Янышева:* «*Православно-христіанское ученіе о нравственности*»; 2-е издан. Спб. 1906 г.; §§ 19—23),—а новыя, выставляемыя такъ называемою *нравственною статистикою*, выяснены въ надлежащемъ свѣтѣ *мною* на страницахъ «*Христіанскаго*» же «*Чтенія*» (1897 г., апрѣль: «*Къ вопросу о нравственной статистикѣ и свободѣ человѣческой воли*»)... Это—во-вторыхъ.

Не будемъ касаться вообще *догматическихъ*—строго вопросовъ, затрагиваемыхъ Геккелемъ: наша задача направляется главнымъ образомъ на вопросы нравственные или на такіе другіе, которые съ тѣми слишкомъ тѣсно связаны. За разрѣшеніемъ же *догматическихъ* и *религіозныхъ вообще* въ широкомъ смыслѣ вопросовъ, задѣваемыхъ Іенскимъ монистомъ, отсылаемъ хотя бы къ обширному 4-томному труду о. Н. П. Малиновскаго, цитованному выше, или къ сочиненіямъ: *проф. Н. П. Рождественскаго:* «*Христіанская Апологетика*» (изд. 2-е; Спб. 1893 г.), *проф.—прот. Т. И. Буткевича:* «*Религія, ея сущность и происхожденіе*» (кн. I, Харьк. 1902 г.; кн. II, Харьк. 1904 г.) и многихъ другихъ... Это—въ-третьихъ.

Обвиненіе Геккелемъ христіанства въ томъ, что послѣднее будто бы лишь заимствовало свое «золотое правило» у предшественниковъ, якобы задолго до Христа его знавшихъ,—уже подробно и документально разсмотрѣно и опровергнуто

(какъ всецѣло несостоятельное) *мною* въ цитованномъ выше сочиненіи: «*Христіанская заповѣдь о любви—новая заповѣдь*». Это—въ-четвертыхъ.

Что эгоизмъ и альтруизмъ вовсе не «равноправны вполнѣ», не «эквивалентны», но что эгоизмъ, напротивъ, есть чувство чужеядное въ человѣкѣ, неестественное, а альтруизмъ—единственно нормальное, единственно естественное, что законъ природы: это—одинъ для всѣхъ и всѣ для одного, что любовь къ ближнему—средство къ достиженію цѣли жизни...,—всѣ такія положенія уже были раскрыты *мною* же на страницахъ «*Христіанскаго Чтенія*» (1899 г., мартъ) въ моей актовой академической рѣчи (вышедшей и отдѣльнымъ изданіемъ): «*Христіанская любовь, какъ единственно-истинный принципъ человѣческихъ взаимоотношеній*». Это—въ-пятыхъ.

Разъ эгоизмъ и альтруизмъ не эквивалентны,—разъ, слѣдовательно, положеніе Геккеля несогласно съ дѣйствительностью,—то долженъ быть отброшенъ и покоющійся на ложномъ основаніи выводъ, по которому мы должны любить другихъ именно въ силу эквивалентности. Не въ ней дѣло, какъ то выяснено мною въ актовой рѣчи. Изъ христіанской заповѣди о любви къ ближнимъ, какъ къ самимъ себѣ, вовсе не слѣдуетъ, что «мы» будто-бы «имѣемъ такія же священныя *обязанности* по отношенію къ себѣ самимъ, какъ и по отношенію къ нашимъ ближнимъ» (стр. у Геккеля: 183). Любовь къ себѣ въ христіанствѣ только констатируется, какъ фактъ, всѣмъ извѣстный, самоочевидный, непререкаемый,—но узаконять ее здѣсь христіанство не думаетъ: оно только требуетъ, чтобъ и другихъ мы любили не меньше..., но качественной оцѣнки самолюбія не дѣлаетъ. Не нужно забывать, что христіанство требуетъ любви къ другимъ даже до самопожертвованія за нихъ... Все это въ свое время было подробно выяснено мною на страницахъ «*Христіанскаго Чтенія*» (1897 г., августъ и сентябрь: «*Христіанское самолюбіе*»; ноябрь: «*Сущность христіанскаго ученія объ отношеніяхъ человѣка къ ближнимъ*»; см. и другія *мои* же статьи). Тамъ мною раскрыто, что въ христіанствѣ — совершенно другая подкладка данной заповѣди, не Геккелевская... Возвращаться къ прежнимъ разъясненіямъ не имѣемъ, конечно, нужды... Это—въ-шестыхъ.

О «чувствѣ долга», о «наслѣдственности привычекъ», о «соціальныхъ инстинктахъ» и пр. всякій можетъ прочитать

въ диссертаціи *И. В. Попова*: «*Естественный нравственный законъ*» (Сергіевъ Посадъ, 1897 г. См. въ особенности отдѣлы: «*Эволюціонная теорія морали*»; «*Происхожденіе нравственныхъ чувствованій*»,—между прочимъ, и «*чувства должнаго*» и друг.). Посему и здѣсь вести спеціальную рѣчь съ Геккелемъ считаемъ излишнимъ. Это—въ-седьмыхъ. При этомъ можетъ быть порекомендована книжка *А. Фулье*: «*Будущее морали*» (Спб. 1899 г.), гдѣ, въ свою очередь, убійственнымъ образомъ опровергается теорія объ инстинктахъ—какъ основѣ и сущности нравственности. «Мы идемъ не къ вѣку чистаго инстинкта, а направляемся въ міръ сознанія. Но всякій инстинктъ, становясь сознательнымъ, стремится къ самоуничтоженію (законъ Гюйо). Если нравственность только инстинктъ, то и» ее ожидаетъ «такая же участь» (*И. Гофштеттеръ* о кн. Фулье на стран. «*Нов. Врем.*» въ одномъ изъ иллюстрированныхъ приложеній за 1899 г.)...

Намъ, слѣдовательно, *остается* въ настоящемъ случаѣ разобраться лишь въ слѣдующемъ Геккелевскомъ утвержденіи, что будто бы христіанство «отрицательно относится къ личности собственной» каждаго изъ насъ (1), «къ требованіямъ плоти» (2), «къ природѣ» (3), къ «культурѣ» (4), «семьѣ и женщинѣ» (5).

Но при этомъ предварительно коснемся вопроса объ общей освѣдомленности Геккеля въ христіанствѣ и объ его—Геккеля—руководителяхъ въ данномъ случаѣ.

Освѣдомленность эта—увы!—слишкомъ плачевна, чтобы не сказать больше... А руководители или точнѣе—руководитель—увы!—не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. На кого,—думаете,—Геккель ссылается и къ кому аппеллируетъ? «См. интересный трудъ *Саладина*: Собраніе сочиненій Іеговы» (стр. 184)... «*Саладинъ* резюмируетъ»... (стр. 184). «Срв. *Альбрехтъ Рау*, Этика Іисуса; Гиссенъ, 1900» (стр. 187)... Вотъ они—авторитеты для Іенскаго «Дарвина!» Для свѣдущаго человѣка этими Геккелевскими ссылками все сказано. Этика *Рау* (мимоходомъ сказать, вышедшая не въ 1900 г., а годомъ раньше), писанная по руководству такихъ «ученыхъ», каковы: «Ницше, Ренанъ, Фейербахъ» и имъ подобные до «Дубнова» включительно, не только не имѣетъ никакого научнаго достоинства, но представляетъ собою бездарное и тенденціознѣйшее макулатурное писаніе, авторъ котораго или не знаетъ ни христіанства, ни христіанской этики, или намѣренно извращаетъ

смыслъ того и другой въ своихъ грубо-матеріалистическихъ цѣляхъ... и потому призываетъ къ «сознательному отрицанію христіанской морали», какъ «неестественной», «мѣшающей человѣческому прогрессу»... (S. 219. 220), и т. д. въ духѣ «больного» философа и единомышленниковъ его... Опираться въ данномъ случаѣ на Rau равносильно тому, какъ еслибы кто-нибудь современное состояніе русской Церкви вздумалъ характеризовать на основаніи газеты «Рѣчь» или какого-нибудь тамъ «Русскаго Слова»... Въ Германіи ни одинъ серьезный человѣкъ не можетъ говорить о Rau безъ улыбки... О г. Саладинѣ, «неизвѣстномъ англійскомъ литераторѣ», Деннертъ отзывается очень откровенно и правдиво: «баснями этого мужа»,—говоритъ онъ,—«на котораго никто не обращаетъ серьезнаго вниманія, Геккель и угостилъ своихъ читателей, выдавъ» эти басни «за истину». «Почему», — спрашиваетъ Деннертъ,—Геккель «выбралъ именно этотъ низко стоящій авторитетъ?» Да «потому» только, «что такъ было всего удобнѣе оклеветать Библію и христіанство»... (цит. соч. *Деннерта*; Москва, 1909 г., стр. 169...). Удивительно недобросовѣстенъ Геккель! Онъ «терпѣливо переноситъ, что въ Англіи, гдѣ знаютъ цѣнность Саладина» (Stewart Ross), «имя это вычеркнуто изъ Міровыхъ Загадокъ»..., а «въ нѣмецкомъ оригиналѣ... Саладинъ попрежнему названъ его авторитетомъ» и т. д. послѣ всѣхъ разоблаченій... (ibid., стр. 178). *Проф. Лоофсъ* (op. cit.) называетъ (въ результатѣ длинныхъ разсужденій о Saladin'ѣ и его книгѣ) Саладиново писаніе «позорною книгою невѣжественнаго и грубаго журналиста низшаго разряда»... (S. 39). Обстоятельно судитъ о Саладинѣ и вообще объ «отношеніи Геккеля къ христіанству» и о. *Н. И. Липскій* въ своей прекрасной цитованной нами его книгѣ, а равно и весьма многіе другіе, напр., *Brander* (op. cit., S. 334—335), *Engert* (op. cit. S. 314, 316, 317), о. *Т. И. Буткевичъ* (цит. соч., стр. 64, 63...), о чемъ см. въ моемъ сочиненіи: «*Христіанская заповѣдь о любви—новая заповѣдь*» (стр. 2 и др.). Болѣе гнусной книги, чѣмъ Saladin'ова («*Jehova's gesammelte Werke*»; Zürich, 2-te Auflage; годъ изд. не указанъ, — повидимому 1894-й!), дѣйствительно встрѣтить не только трудно, но, пожалуй, даже и невозможно!..

Но довольно! «Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ» и т. д. Вотъ ужъ во-истину вѣрно! Достаточно только услышать объ этихъ и подобныхъ руководителяхъ Геккеля, чтобы сразу же

считать окончательно выясненнымъ вопросъ о степени его компетентности въ области христіанскаго вѣдѣнія,—точнѣе: о степени его колоссальнаго здѣсь невѣжества или такой же научной недобросовѣстности. Пусть выбираетъ то или другое или то и другое вмѣстѣ, какъ ему самому заблагоразсудится...

Теперь поприсмотримся къ Геккелевскимъ открытіямъ, сдѣланнымъ (относительно христіанской этики) по предательской указкѣ «позорныхъ» руководителей.

Въ частности, дѣйствительно ли христіанство «отрицательно относится»:

1) «къ собственной личности» каждаго изъ насъ;
2) «къ требованіямъ плоти»;
3) «къ природѣ»;
4) «къ культурѣ»;
5) «къ семьѣ» и «къ женщинѣ»?

Правъ ли въ данномъ случаѣ Геккель?

I. «Важнѣйшая ошибка христіанской этики», говоритъ Геккель, «состоитъ въ томъ, что послѣдняя преувеличиваетъ любовь къ ближнему на—счетъ любви къ собственной личности», вмѣсто того, чтобы соблюдать здѣсь «равновѣсіе». Напрасно де «христіанство въ принципѣ отвергаетъ *эгоизмъ* и борется съ нимъ»—этимъ «естественнымъ влеченіемъ» (вѣдь «безъ эгоизма, безъ *страсти*, вдохновляющей насъ на великія жертвы, не совершалось ничего великаго и грандіознаго»),—тѣмъ болѣе, что «альтруизмъ» въ дѣйствительности вѣдь не «антиподъ эгоизма», а «въ сущности—ни что иное, какъ утонченный эгоизмъ»... Напрасно де оно заповѣдуетъ «любить враговъ, благословлять тѣхъ, кто проклинаетъ васъ, творить добро тѣмъ, кто ненавидитъ васъ, молиться за тѣхъ, кто оскорбляетъ и преслѣдуетъ васъ»: «практическое достоинство» этой, правда, «очень идеальной заповѣди», однако, «очень»-де «сомнительно»... Какъ разъ «то же»-де «слѣдуетъ сказать» и «о совѣтѣ», касающемся «верхней одежды» и «рубашки» (Матѳ. V, 40)... «Если какой-нибудь негодяй отыметъ у тебя обманнымъ образомъ половину твоего имущества, подари ему отъ себя и другую половину»... Развѣ-де это натурально? Развѣ де это не противоестественно скорѣе всего?.. Такъ разсуждаетъ Геккель, прибавляя, что и вообще «идеальные, альтруистическіе принципы личной морали не имѣютъ ничего общаго съ *реальной*, чисто—эгоистической моралью человѣческихъ обществъ, въ особенности нашихъ христіанскихъ государствъ»... (стр. 185).

Что эгоизмъ не есть «естественное влеченіе»,—что онъ, наоборотъ, явленіе противоестественное,—въ томъ сомнѣваться невозможно: а) по библейскому повѣствованію, эгоизмъ заявилъ о себѣ лишь съ теченіемъ времени, вслѣдствіе прародительскаго грѣхопаденія и послѣ него, и отсюда нормальнымъ, естественнымъ явленіемъ названъ быть не можетъ; б) никому, какъ извѣстно, не удалось еще доказать «прирожденности» человѣку эгоизма, какъ такого, — его «первичности» по сравненію съ чувствами альтруистическаго характера, его «естественности»,—и всѣ усилія утилитаризма, а равно и моднаго нынѣ дарвино-спенсеровскаго эволюціонизма не привели ни къ чему, что въ этической наукѣ теперь—уже безспорный фактъ (см. подробности въ *моей* брошюрѣ: «*О любви къ отечеству, по поводу взглядовъ Льва Толстого*»,—Спб. 1901 г.; стр. 10, 11...; ср. *мою* статью: «*Предосудителенъ ли патріотизмъ*»? «*Христ. Чтеніе*», 1900 г., май. Чит. *мою* статью: «*Христіанская любовь, какъ единственно-истинный принципъ человѣческихъ взаимоотношеній*»; цитов. выше; тамъ указана и относящаяся къ вопросу литература: см. въ особенности цитов. книгу *проф. И. В. Попова...*).

Что альтруизмъ не есть «утонченный эгоизмъ», установлено уже и это. Эволюціонистамъ не удалось доказать, что эгоизмъ и онъ именно постепенно превратился въ альтруизмъ, который, такимъ образомъ, есть будто бы не иное что, какъ «замаскированный», переряженный, «утонченный» что ли... эгоизмъ. Имъ не помогли въ данномъ случаѣ: ни законъ борьбы за существованіе, который всего менѣе могъ бы объяснить подобное превращеніе и всего скорѣе объяснилъ бы явленіе какъ разъ обратнаго порядка (опытъ человѣчества краснорѣчиво подтверждаетъ все это); ни предположеніе о «возникновеніи» въ человѣкѣ «съ теченіемъ времени» новаго, именно нравственнаго, инстинкта, котораго будто бы не было у первобытныхъ людей (оказалось на повѣрку, что «возникновеніе» въ человѣкѣ *новыхъ* инстинктовъ съ теченіемъ лишь времени недопустимо и особенно инстинкта *нравственнаго*: такому возникновенію мѣшаютъ и особенности человѣка съ его «сложною» жизнію, и отличительныя черты всякаго инстинкта, какъ такого, съ его признаками неизмѣнности и пр., не совпадающими съ особенностями нравственности, могущей въ человѣкѣ измѣняться радикально, проявляющейся, при всей ея прирожденности человѣку, «въ зависимости отъ опыта»,—

имѣющей силу, превосходящую велѣнія болѣе старыхъ инстинктовъ, напр., самосохраненія и др., что уже ясно говоритъ, что нравственность не есть какой-то позднѣйшій инстинктъ: вѣдь болѣе поздній не могъ быть болѣе могучимъ, нежели раннѣйшіе, и т. д.); ни теорія о «возможности» передачи новообразовавшагося инстинкта по наслѣдству (вопросъ этотъ, правда, окончательно еще не считается выясненнымъ, но фактъ—тотъ, что весьма и весьма многіе ученые къ теоріи данной относятся отрицательно); ни многое другое (ср. объ *альтруизмѣ мою* статью въ «*Православной Богословской Энциклопедіи*»; изд. *проф. А. П. Лопухина*; Спб.; т. I, 1900 г., colon. 569—572; см. *мою* цитов. актовую рѣчь; см. *мою статью*: «*Сущность христіанскаго ученія объ отношеніяхъ человѣка къ ближнимъ*»: «*Христ. Чтен.*» 1897 г., ноябрь и др. Чит. особенно цитов. книгу *проф. И. В. Попова*, гдѣ вопросъ разсматривается подробно и спеціально: стр. 106—149...).

Геккеля смущаетъ,—какъ мы видѣли,—слово Господа о «рубашкѣ» и «верхней одеждѣ»... (Мѳ. V, 40...). Онъ отказывается его понять, находитъ совѣтъ противоестественнымъ... И неудивительно: Геккель не дорось до того, чтобъ понимать подобныя вещи, — ужъ слишкомъ низменно и грубо-матеріалистично его міровоззрѣніе! Ему понятна только ветхозавѣтная точка зрѣнія: «око за око», «зубъ за зубъ»...,—точка зрѣнія, не постигающая, напр., любви къ ближнимъ до самопожертвованія, какъ совершенно странной, непрактичной, не соотвѣтствующей духу «міра сего»...,—точка зрѣнія, признающая лишь знакъ равенства между эгоизмомъ и альтруизмомъ и не допускающая перевѣса для альтруизма (въ особенности)... Разумѣется, при подобномъ міровоззрѣніи гдѣ же постигнуть высоту «совѣта» Господня? Гдѣ же найти тутъ какую-либо «натуральность»? Если,—допустимъ,—кто-либо привыкъ всегда отвѣчать на оскорбленіе оскорбленіемъ,—то для такого человѣка болѣе, чѣмъ страннымъ, даже противоестественнымъ какъ-бы было-бъ отвѣтить на обиду, ему нанесенную, христіанскимъ всепрощеніемъ... Понять высоту Христова слова можетъ только тотъ, кто знаетъ Господа,—знаетъ, что Онъ сдѣлалъ для насъ, прочувствуетъ все это, Его страданія, крестную смерть за насъ...,—припомнитъ всѣ тѣ поруганія, какія Онъ—Богочеловѣкъ — потерпѣлъ за насъ, ради нашего спасенія... Тотъ пойметъ и не найдетъ Господняго слова противоестественнымъ, а сочтетъ его единственно натуральнымъ. Прот. Се-

рафимъ Саровскій далъ намъ поучительный примѣръ. Однажды явились къ нему воры и забрали все, что только нашли и могли унести съ собою... Когда они ушли, преподобный догналъ ихъ и вернулъ, сказавъ, въ отвѣтъ на ихъ недоумѣніе, что они не замѣтили еще одной вещи и не взяли съ собою. Разбойники были поражены этимъ, бросились на колѣна и попросили прощенія... Вотъ кто понималъ слово Господне о «рубашкѣ» и «верхней одеждѣ»—преподобный Серафимъ! Но Геккель предъ такими фактами становится въ тупикъ и только кричитъ: ненатурально, противоестественно! Вотъ, еслибъ кто-либо поступилъ по принципу: «ногу за ногу», тутъ для грубоязыческаго мозга Геккелевскаго, конечно, все было бы понятно... Что христіанинъ ставитъ интересы ближняго выше своихъ, этого нѣмецкому Дарвину съ его «обезьяной», конечно, никогда не постигнуть, чѣмъ онъ даже и гордится... И пусть Мы часто не понимаемъ всего этого, потому что относимся къ христіанству обычно лишь внѣшнимъ образомъ, заражены нехристіанскими эгоистическими чувствами, при господствѣ которыхъ все, не отвѣчающее имъ, намъ представляется ненатуральнымъ. Не замѣчаемъ при этомъ одного только,—того именно, что нашъ эгоизмъ въ дѣйствительности лишь ненатураленъ... и что онъ такъ полонилъ насъ, что не позволяетъ намъ взглянуть на все дѣло надлежащими глазами... Вотъ—что, г. Геккель и К°!

Далѣе, что въ дѣйствительной жизни «личная мораль» сплошь и рядомъ совершенно расходится съ «эгоистической моралью... нашихъ христіанскихъ государствъ»...,—это ни о чемъ еще по существу не говоритъ: мало ли чѣмъ мы злоупотребляемъ,—мало ли что нарушаемъ..., но отсюда еще не слѣдуетъ, что и норма, которую мы преступаемъ, является дурною и должна быть отвергнута. Наши уклоненія отъ нормы ничего еще не говорятъ противъ послѣдней самой по себѣ... Такъ называемый «дипломатическій антиномизмъ», къ сожалѣнію, нашелъ себѣ пріютъ въ христіанскихъ государствахъ. Дипломаты, въ частной жизни исповѣдующіе обычную христіанскую мораль, въ политической дѣятельности пользуются совершенно иною, стараясь всякими иногда способами выторговать побольше для своего государства—каждый. Забываютъ, что зломъ добра прочнаго не пріобрѣсти. Забываютъ, что слишкомъ дерзко полагаются на свои силы, на свой умъ, когда думаютъ, обходя правила нравственности, создать благополучіе

своей родины. А вдругъ ошибутся? А вдругъ принесутъ своему отечеству непоправимый вредъ? И виновными окажутся только одни они, съ ихъ самонадѣянностью натворившіе бѣдъ! А слѣдуй они христіанскимъ принципамъ всегда и неуклонно, не пытайся поправлять послѣднихъ...,—правда всегда бы восторжествовала въ концѣ концовъ, и во всякомъ случаѣ не пришлось бы имъ раскаиваться въ опрометчивости... (ср., между прочимъ, у *о. Янышева*: цит. соч. § 16 и у его руководителя въ данномъ случаѣ: у *еп. Мартенсена*: «*Христіанское ученіе о нравственности*»; Спб. 1890 г., т. I, стр. 417...). Говоримъ: политика не всегда согласуется съ христіанскою нравственностью,—но, повторяемъ,—это не имѣетъ принципіальнаго значенія по указаннымъ выше причинамъ...

Возраженіе Геккеля противъ христіанской морали, имѣющее въ виду у себя, въ частности, заповѣдь о любви ко врагамъ и проч. (здѣсь Іенскій профессоръ просто повторяетъ въ болѣе или менѣе точной формѣ старыхъ знакомыхъ, давно всѣмъ надоѣвшихъ: Молешотта, Бюхнера, особенно предтечу Ницше—Штирнера и друг.),—ученіе Геккелево о ненависти къ нимъ, какъ естественномъ—де, напротивъ, чувствѣ (соотвѣтствующемъ принципу объ эквивалентности эгоизма и альтруизма, о равновѣсіи ихъ другъ съ другомъ,—принципу: «око за око»...)...,—все это и подобное знала еще отдаленная отъ насъ «древность»: все это было извѣстно еще великому отцу Церкви христіанской—св. Іоанну Златоусту и, уже имъ предусмотрѣнное, было блистательно выяснено, такъ что у христіанъ не должно болѣе здѣсь оставаться и сомнѣній... и недоумѣній...

Ты говоришь,—такова мысль св. отца Церкви,—что невозможно любить враговъ, невозможно благословлять ихъ, молиться за нихъ. А что Богъ ради тебя, ради твоего спасенія «смирилъ Себе», принялъ уничиженный человѣческій видъ, пострадалъ за тебя, за тебя потерпѣлъ поношенія, крестную смерть..,—за тебя—грѣшника, только и дѣлавшаго, между тѣмъ, что непрерывно оскорблявшаго и оскорблявшаго Своего Творца..,—развѣ это представляется тебѣ болѣе возможнымъ? Однако, оно случилось въ дѣйствительности,—есть фактъ безспорный. Почему же послѣ этого тебѣ не любить враговъ? Развѣ это—труднѣе, чѣмъ то, что сдѣлалъ ради насъ Сынъ Божій, Которому мы должны подражать въ своей жизни и дѣятельности? Вѣдь, по слову Божію, въ насъ «*должны быть*

тѣ же чувствованія, какія и во Христѣ Іисусѣ» (Филипп. II, 5). Посмотри, далѣе, на врачей. О комъ они всего больше пекутся? Не о тѣхъ ли, кто одержимъ болѣе тяжкою болѣзнію? Безумные, напр., отданные на попеченіе врача, иногда въ своихъ припадкахъ яростно набрасываются на послѣдняго и бьютъ его, чѣмъ придется и во что придется... А врачъ? Не употребляетъ ли въ приложеніи къ такимъ въ особенности больнымъ всѣхъ средствъ, чтобы исцѣлить ихъ? Развѣ онъ обращаетъ особенное вниманіе на ихъ оскорбленія, ему наносимыя, на ихъ побои даже и т. п.? Конечно, нѣтъ,—и потому именно, что понимаетъ, въ чемъ здѣсь дѣло,—понимаетъ, что больные—безумные наносятъ ему оскорбленія именно въ припадкѣ помѣшательства, а не сознательно,—что будь они здоровы, имъ никогда бы не пришло въ голову подобное отношеніе къ врачу или къ кому бы то ни было другому... Теперь спрашивается: что такое—наши враги? И почему они насъ ненавидятъ? Они—конечно—больные духовно и ненавидятъ насъ потому, что ихъ болѣзнь не даетъ имъ возможности понять то, что они дѣлаютъ и что должны бы дѣлать. Но, какъ врачи съ буйными больными, такъ и мы съ врагами нашими должны обращаться любовно, должны терпѣливо врачевать ихъ духовно и ни въ какомъ случаѣ не должны платить имъ зломъ за зло... Уврачуйте врага, и онъ сдѣлается вашимъ другомъ... Какъ только просвѣтятся духовныя очи врага и онъ пойметъ все безразсудство своего прежняго поведенія, онъ быстро и твердо измѣнится. Возможна, словомъ, любовь ко врагамъ, она вполнѣ естественна и понятна въ христіанствѣ. Св. Іоаннъ Златоустъ всячески предостерегаетъ отъ вражды къ кому бы то ни было изъ людей, разрѣшая быть во враждѣ только съ однимъ врагомъ—діаволомъ и не дозволяя «приступать къ священной трапезѣ» тому, кто еще не примирился хотя бы съ однимъ врагомъ,—вмѣняя человѣку въ мученическій подвигъ молитву о врагѣ, покусившемся на его жизнь, и т. д. Не аналогичное ли нѣчто видимъ въ настоящее, напр., время въ «судахъ», гдѣ сначала внимательно и всесторонне изучаютъ убійцу, грабителя, не суть ли они больные и не подъ вліяніемъ ли болѣзни совершили тѣ или другія преступленія, какія привели ихъ на печальную скамью?

Геккелю подобная Златоустовской (см., напр., 18-ю бесѣду св. отца *на Евангеліе св. Матѳея*, а также и другія многія мѣста изъ его безсмертныхъ твореній; тоже находимъ и у

другихъ свв. отцовъ древне-христіанской Церкви, взгляды коихъ выше мы также принимали въ соображеніе) точка зрѣнія, конечно, непонятна. Ему, разумѣется, не постигнуть смысла христіанской любви ко врагу, потому что ему неизвѣстенъ Личный Богъ; онъ, далѣе, не знаетъ и не хочетъ ничего знать о прародительскомъ грѣхопаденіи и поврежденіи послѣднимъ человѣческой природы... Для человѣка «естественнаго», не облагодатствованнаго, «грѣхомъ поврежденнаго», заповѣдь о любви ко врагамъ «тяжка», даже болѣе того. Но не такова она для человѣка—«уже христіанина», уже просвѣщеннаго божественною благодатію. Послѣдній, озаренный свыше, и нойметъ, и исполнитъ эту заповѣдь: не станетъ врагу своему такъ или иначе мстить, а наоборотъ—будетъ лишь жалѣть послѣдняго, сострадать ему... (здѣсь и ниже ср. цитов. кн. о. Т. И. Буткевича).

Въ пользу дѣйствительной возможности любви ко врагамъ слишкомъ краснорѣчиво говорятъ: примѣръ Самого Іисуса Христа, на крестѣ молившагося за Своихъ враговъ,—примѣръ мучениковъ, подобно Христу, возсылавшихъ молитвы же за своихъ мучителей, которые именно «*не вѣдятъ бо, что творятъ*» (Лук. XXIII, 34), и многочисленные другіе примѣры изъ всѣхъ временъ.

Геккель, далѣе, называетъ, какъ мы видѣли,—заповѣдь о любви ко врагамъ «очень идеальною». Что жъ? И прекрасно! Въ этомъ, разумѣется, не недостатокъ ея, а одно лишь несомнѣнное и безспорное достоинство! Эта заповѣдь—данный человѣку идеалъ, взирая на который онъ—человѣкъ—и будетъ все болѣе и болѣе постепенно совершенствоваться. И чѣмъ ближе станетъ онъ подходить къ вожделѣнному идеалу, тѣмъ выше и выше будетъ и его духовное совершенствованіе. Идеалы, какъ всякій почти это знаетъ, согрѣваютъ человѣка; они, подобно факелу во тьмѣ, руководятъ имъ, окрыляютъ его, направляютъ. Безъ этихъ путеводныхъ идеаловъ жизнь стала бы слишкомъ скучной, безцвѣтной,—потеряла бы, наконецъ, и значеніе въ глазахъ человѣка. Сколько нынѣ происходитъ самоубійствъ, потому что,—какъ заявляютъ самоубійцы,—они не имѣютъ идеала въ жизни, изъ-за котораго стоило бы трудиться, волноваться, все переносить?! А разъ впереди нѣтъ этой завѣтной цѣли, которая къ себѣ манитъ, какъ нѣчто неудержимо притягательное,—разъ впереди только одна безконечная и сухая проза, жизнь животная лишь и ничто больше,

а затѣмъ вѣчная смерть безъ тѣни надежды,—не мудрено, что въ результатѣ и учащаются эти печальныя явленія особенно нашихъ дней. Заповѣдь о любви—идеалъ, объединяющій въ себѣ и около себя все нравственное поведеніе человѣка. И не смѣяться, конечно, нужно надъ ея идеальностью, но восторгаться ею, восхищаться. А что идеалъ «практически» трудно осуществить въ болѣе или менѣе полной мѣрѣ,—изъ этого не выходитъ никакого зла: такова вѣдь участь всѣхъ идеаловъ и въ этой сторонѣ, между прочимъ, заключается ихъ притягательность, тутъ—отчасти секретъ ихъ преимуществъ, возвышающихъ человѣка надъ обычною прозою жизни.

Если стать на точку зрѣнія Геккеля о «равновѣсіи» между эгоизмомъ и альтруизмомъ и о необходимости для человѣка въ своемъ поведеніи устанавливать это равновѣсіе,—то спрашивается: возможно ли человѣку и, если возможно, то какъ ему достигнуть подобной цѣли? Человѣкъ «естественный» такъ испорченъ грѣхомъ, такъ проникнутъ по наслѣдству уже эгоизмомъ, въ такой у послѣдняго находится рабской зависимости,—что въ рѣшеніи вопросовъ, гдѣ взаимно сталкиваются альтруистическіе и эгоистическіе его интересы, обязательно и невольно, «по-своему» естественно станетъ на сторону послѣднихъ (исключенія, всегда возможныя и даже необходимыя, въ счетъ, разумѣется, идти не могутъ). Ежедневная жизнь даетъ безчисленное множество примѣровъ, блестяще подтверждающихъ высказанную мысль (исторія отобранія церковныхъ имуществъ во Франціи; событія въ Португаліи; исторія Босніи и Герцеговины; процессъ Тарновской; исторія Дрейфуса; Поль Лафаргъ съ женой; исторія итальяно-турецкой войны; китайская междоусобная война и мног. друг.).

Мы видимъ, что всѣ «грандіозныя дѣла» совершаются обычно «не съ разсчетомъ», а наоборотъ—«безъ разсчета» корыстнаго, себялюбиваго, взвѣшивающаго данныя альтруистическія и эгоистическія. Въ самомъ дѣлѣ, Іисусъ Христосъ—Господь нашъ, выше дѣла. Котораго ничего нѣтъ и быть не можетъ, предалъ Себя на мученія и крестную смерть для спасенія человѣческаго рода. Но о какомъ тутъ «равновѣсіи» эгоистическихъ и альтруистическихъ чувствъ можно было бы говорить? Только не объ этомъ,—только не о «маклерской» какой-нибудь разсчетливости, только не о геккелевскихъ—канцелярскихъ соображеніяхъ и счетахъ... То же самое надлежитъ сказать и въ отношеніи къ мученикамъ за Христа, шед-

шимъ на пытки вовсе не по указаніямъ разсчетливаго, холоднаго эгоизма, въ какомъ бы смыслѣ его ни понимать. «Страсти» не помогаютъ «великимъ дѣламъ», а обычно лишь «ослѣпляютъ», служатъ лишь тормозомъ: вѣдь «все великое», какъ это общеизвѣстно, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и «разумное»,—разумное, а не дѣло «слѣпыхъ» какихъ-то страстей...

II. Христіанство, по Геккелю, будто бы «прилагаетъ къ человѣческому организму безусловно-дуалистическое мѣрило и видитъ въ бренномъ тѣлѣ человѣка лишь временное»-де жилище «безсмертной его души». И отсюда-де «вполнѣ естественно, что» оно усвояетъ «этой безсмертной душѣ болѣе важное значеніе, чѣмъ ея тѣлесной оболочкѣ». «Культура христіанскаго средневѣковья», молъ, «принципіально запустила уходъ за тѣломъ, пренебрегала опрятностью» физическою. «Христіанская этика не знаетъ», по Геккелю, «не знаетъ тѣхъ строгихъ предписаній насчетъ ежедневныхъ омовеній и тщательнаго ухода за своимъ тѣломъ», какія «встрѣчаемъ въ магометанскихъ, индійскихъ и другихъ религіяхъ», «не только въ теоріи, но и на дѣлѣ». «Во многихъ»-де «монастыряхъ идеаломъ вѣрующаго христіанина считается» тотъ, кто «ни разу не умоется и не одѣнется, какъ слѣдуетъ, никогда не перемѣняетъ своей провонявшей» [??? Ужели лавры Толстого—«художника» слова (см., напр., его «*Возстановленіе ада*»)—не даютъ Геккелю спать?] «рясы и вмѣсто честнаго труда заполняетъ свою тунеядную жизнь безсмысленными» (??) «молитвенными упражненіями, идіотскими» (??) «постами и т. п.» Для иллюстраціи своихъ положеній Геккель «напоминаетъ читателю объ отвратительныхъ самобичеваніяхъ флягеллянтовъ и другихъ аскетическихъ сектъ», у коихъ-де «презрѣніе къ плоти дошло до апогея» («*Міров. Заг.*», стр. 185—186).

Но, прежде всего, Геккель здѣсь говоритъ о «флягеллянтахъ» и о другихъ, подобныхъ имъ, изувѣрныхъ «сектахъ» и вообще о католическомъ «христіанскомъ средневѣковьѣ». Мы, конечно, не собираемся защищать ни тѣхъ, ни другихъ, ни третьяго. Мало ли какія секты были и есть въ христіанскомъ мірѣ? Мало ли какія изувѣрства онѣ проповѣдывали и проповѣдуютъ? Но кто же по нимъ судитъ о христіанствѣ? По крайней мѣрѣ, никто здравомыслящій! Мало ли что проповѣдуетъ католицизмъ: и нынѣшній, и, если оглянемся назадъ, средневѣковый? Мало ли такого, что не имѣетъ въ себѣ рѣшительно ничего христіанскаго или является прямо противо-хри-

стіанскимъ (см. напр., *мою* цитованную уже раньше работу: «*Размышленія объ іезуитской морали—древней и новой*»; чит. цитов. выше *мое* сочин. о постановкѣ Нравственнаго Богословія въ Вѣнскомъ Университетѣ и др.)? Рѣчь вѣдь идетъ не объ этихъ болѣе или менѣе уродливыхъ явленіяхъ, а о чистомъ христіанствѣ, о чистомъ христіанскомъ ученіи, содержащемся въ Новомъ Завѣтѣ и раскрытомъ святою православною христіанскою Церковію... Посему возраженіе Геккеля въ данномъ случаѣ *насъ не касается нисколько*. Не говоримъ уже о томъ, что оно и вообще не имѣетъ принципіальнаго характера...

Затѣмъ, не признавая Личнаго Бога, съ Которымъ человѣкъ въ своей молитвѣ входитъ въ духовное общеніе,—не признавая и души, какъ особой, отличной отъ тѣла, субстанціи, которая могла бы входить въ это общеніе съ Богомъ, со святыми (которыхъ Геккель, разумѣется, также не признаетъ), «нѣмецкій Дарвинъ, естественно, съ его точки зрѣнія, презрительно отзывается о молитвѣ (о значеніи ея въ христіанствѣ см., между прочимъ, *мою* статью въ «*Христіанскомъ Чтеніи*»: 1899 г., январь: «*Сущность христіанскаго пониманія молитвы etc.*»; чит. спеціальное изслѣдованіе *о. А. Никольскаго*: «*Молитва и ея значеніе въ жизни христіанина*»,—Смоленскъ, 1909 г.). Не признавая ни души, ни загробнаго личнаго бытія, Геккель и думаетъ только о тѣлѣ и о томъ лишь, что служитъ къ его процвѣтанію. Отсюда онъ и вооружается съ циничною бранью противъ постовъ, называя ихъ «идіотскими», хотя здѣсь можно было бы возразить и съ его матеріалистической лишь точки зрѣнія: имѣемъ въ виду новѣйшее (въ особенности) вегетаріанское теченіе, отстаивающее очень убѣдительными *естественно-научными* данными преимущества растительнаго питанія и даже временнаго—совершеннаго воздержанія отъ употребленія пищи... «Путь къ здоровью, силѣ и бодрой старости ведетъ черезъ огородъ, плодовый садъ и пшеничное поле, а никакъ не черезъ бойню», справедливо говоритъ *Эльпе*... (см. подробности выясненія вопроса, напр., въ *моей* публичной рѣчи: «*Вопросъ о безубойномъ питаніи человѣка, рѣшаемый съ христіанской точки зрѣнія*»: «*Христ. Чтеніе*» — 1904 г., апрѣль и май; «*Вегетаріанскій Вѣстникъ*»—1904 г., №№ 4, 5, 6 и 7. Есть и отдѣльное изданіе)...

А разъ «молитва» и «посты» въ христіанствѣ не суть нѣчто, не имѣющее подъ собою разумныхъ основаній,—то ясно, далѣе, что и монаховъ, проводящихъ время въ Бого-

мысліи, въ молитвахъ, подвигахъ поста, воздержанія..., по *этой* причинѣ нельзя называть «тунеядцами» (Геккеля же вмѣстѣ съ его руководителемъ Саладиномъ даже должно назвать «пустословами». притомъ, злостными, къ коимъ вполнѣ примѣнима сентенція на счетъ слѣпца, который ведетъ другого слѣпца...). Обвиненіе, по адресу монаховъ брошенное Іенскимъ профессоромъ, должно быть возвращено послѣднему обратно, какъ недоказанное и, пожалуй, примѣнимое всего скорѣе къ нему самому, къ его безполезнымъ и никому ненужнымъ занятіямъ, особенно въ области совершенно чуждаго ему богословія...

Уча о необходимости постовъ, какъ проявленій воздержанія, какъ средствъ для борьбы съ захватами плоти, христіанство, съ другой стороны, вовсе не уничижаетъ тѣла и не можетъ уничижать его. Христіанству чужда платоновская, гностическая... дуалистическая точка зрѣнія, и Геккель напрасно навязываетъ первому то, въ чемъ оно нимало неповинно... Вѣдь, по христіанству, тѣло—не темница души, и не слѣдуетъ, посему, христіанину заботиться о возможно скорѣйшемъ уничтоженіи этой темницы, о возможно скорѣйшемъ освобожденіи изъ нея, даже насильственномъ, искусственномъ... По христіанству, тѣло, напротивъ, есть *храмъ Св. Духа* (1 Коре. VI, 19), — значитъ, нѣчто уже весьма цѣнное, не-похожее на темницу, на какое-то лишь узилище... Тѣло—жилище, конечно, и нашего духа. Оно—неизбѣжный органъ, чрезъ посредство котораго послѣдній только и проявляетъ себя во—внѣ. Отсюда само собою слѣдуетъ, что чѣмъ нормальнѣе поставленъ органъ, тѣмъ удобнѣе—и чрезъ него дѣйствовать и пользоваться имъ. Неразумное *изнуреніе тѣла*, равно—какъ и *нѣкоторое небреженіе о насыщеніи плоти* (Колосс. II, 23), какъ нѣчто, въ извѣстномъ смыслѣ аналогичное съ самоубійствомъ, осуждаемымъ въ словѣ Божіемъ (чит., напр., 6-ю заповѣдь 10-словія), въ свою очередь, также осуждается въ христіанствѣ (*это — только видъ мудрости:* Колосс. II, 23, 20). Св. Ап. Павелъ совѣтуетъ своему ученику: *впредь пей не одну воду, но употребляй* и *немного вина, ради желудка твоего и частыхъ твоихъ недуговъ* (1 Тимоѳ. V, 23). Одобряя умѣренность и порицая пресыщеніе (I. Сир. XXXI, 21—24), слово Божіе рекомендуетъ не пренебрегать и тѣлеснымъ *врачемъ*, такъ какъ *Господь создалъ его* (ibid., ст. 1 и слѣд., ст. 4, 9, 12... XXXVIII гл.). Ясно, слѣдовательно, что, постигаемый болѣзнями, человѣкъ нравственно обязанъ заботиться объ ихъ устра-

неніи. Правила, предписываемыя разумною гигіеною и имѣющія въ виду укрѣпленіе здоровья, не могутъ быть оставлены въ пренебреженіи и съ христіанской точки зрѣнія. Все это отнынѣ, кажется, уже ясно... И если, однако, Геккелю это не видно, то онъ, слѣдовательно, безнадеженъ, какъ неисцѣльно ослѣпшій, если только въ извѣстныхъ злостныхъ цѣляхъ не притворяется таковымъ. А отъ него, право, можно всего ожидать...

Христіанство, затѣмъ, не думаетъ одобрять или рекомендовать и *тунеядства*, противъ котораго такъ возстаетъ Геккель, меча свои громы, впрочемъ, по ошибочному адресу. *Если кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь* (2 Θессал. III, 10). *Трудись, дѣлая своими руками полезное, чтобы было изъ чего удѣлять нуждающемуся* (Ефес. IV, 28). Здѣсь вполнѣ ясно высказанъ христіанскій взглядъ на трудъ: всякій имѣетъ право лишь на то, что самъ заслужилъ своимъ трудомъ; затѣмъ, трудящійся можетъ оказывать помощь и ближнему. Ап. Павелъ занимался приготовленіемъ палатокъ (ср. 1 Кор. IV, 12); св. Іосифъ. *мужъ* Богоматери (Мѳ. I, 19), занимался плотничьимъ ремесломъ и т. п. Самъ Богъ повелѣлъ Адаму, а въ его лицѣ и всему человѣчеству, *въ потѣ лица* добывать себѣ хлѣбъ (Быт. III, 19). *Мы*,—говоритъ Ап. Павелъ,—*ни у кого не ѣли хлѣба даромъ, но занимались трудомъ и работою ночь и день, чтобы не обременить кого изъ васъ* (2 Θессал. III, 8)... (см. подробности въ *моихъ* статьяхъ: а., «*Христіанское самолюбіе*»—«*Христ. Чтеніе*», 1897 г., авг.—сент. и б., «*Соціалистическая клевета на христіанство*»—«*Церк. Вѣстникъ*», 1910 г., № 48 отъ 2 дек.,—а также и въ другихъ *моихъ* же: напр. «*Христіанство о трудѣ*»—«*Новое Время*», № 11869 за 28-е марта 1909 г...).

Заботясь о тѣлѣ, христіанинъ, однако, ни на минуту не забываетъ, что душа выше тѣла (она не изъ *праха земли*, какъ тѣло: Быт. II, 7; *вдунута* Богомъ, *дыханіе* Его: ib.; *если* человѣкъ *пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ*, то *какая польза* ему, *какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою*: Марк. VIII, 36 и 37...). А потому о ней онъ прежде всего и преимущественно и заботится, къ соблазну Геккеля и подобныхъ ему атеистовъ-матеріалистовъ, но въ интересахъ нормальнаго положенія вещей... «Suum cuique!»

Но, если язычники сами *осквернили тѣла свои* (Римл. I, 24),—если они предоставляли тѣла свои *для блуда* и противоестественныхъ пороковъ (1 Коρ. VI, 13. Римл. I, 26—27, 29),—

если они возводили заботы о тѣлѣ въ своего рода «summum bonum», то христіане, наоборотъ, стоя на единственно правильной точкѣ зрѣнія, приносятъ свои *тѣла*, по Апостолу, *въ жертву живую, святую, благоугодную Богу* (Римл. XII, 1), предназначаютъ свои тѣла *не для блуда, но для Господа* (1 Коро. VI, 13), и воздержаніемъ, цѣломудріемъ... дѣлаютъ изъ своихъ тѣлъ достойное вмѣстилище для души...

Въ дѣйствительной жизни встрѣчаемъ, конечно, массу и неряхъ, которые, какъ говоритъ Геккель, быть можетъ, «ни разу не умоются и не одѣнутся, какъ слѣдуетъ, никогда не перемѣнятъ своей провонявшей рясы...»,—хотя все же едва ли *такихъ* именно неряхъ...; но изъ того, что подобные люди бываютъ, могутъ быть среди христіанъ, нельзя, конечно, ничего заключать *противъ* христіанства *самого по себѣ*, нигдѣ и никакъ не думающаго освящать подобнаго рода неряшества и, напротивъ, относящагося къ нему лишь отрицательно, какъ мы уже видѣли выше.

Слѣдуетъ обратить вниманіе, наконецъ, на «практику христіанъ», говоритъ, напр., проф. прот. о. Т. И. Буткевичъ: «умершихъ помазываютъ елеемъ», предварительно тщательно обмывъ ихъ, съ «уваженіемъ» относятся къ «кладбищамъ»; запрещаютъ пищу «нечистую и вредную»; «священникъ умываетъ руки предъ литургіей»; приступая къ «таинству причащенія», христіане «омываютъ уста», облекаются въ чистыя одежды; священникъ не долженъ служить «въ ветхихъ и раздранныхъ ризахъ...» (стр. 75 цитов. сочин.). Христіане совершенно чужды взгляда на человѣка, какъ на животное, на умершаго, какъ на «падаль», какъ училъ объ умершихъ, напр., графъ Толстой... И всѣ разсужденія Геккеля въ данномъ случаѣ (восхищается «предписаніями... магометанскихъ, индійскихъ... религій насчетъ ежедневныхъ омовеній и тщательнаго ухода за тѣломъ») не достигаютъ цѣли ни въ какой мѣрѣ: они направлены къ христіанству не по адресу (надлежащему), являются плодомъ невѣжества, недомыслія или тенденціозности и злобы противъ ненавистной его матеріалистическому низменному уму религіи христіанской, указывающей на небо, а не ограничивающейся лишь землей и ея интересами (здѣсь—одна изъ причинъ ненависти къ христіанству и нашихъ русскихъ безбожниковъ, которымъ теперь нѣтъ числа!).

Не говоримъ уже о томъ, что Геккель обнаруживаетъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, обычное невѣжество и здѣсь,

когда, напр., превозноситъ хотя бы буддизмъ за «предписанія» касательно «тщательнаго ухода за тѣломъ»... Еслибъ онъ былъ нѣсколько знакомъ (не чрезъ Саладина и ему подобныхъ лицъ) съ «индійскими», прославляемыми имъ, «религіями», то не сказалъ бы этого и въ малой мѣрѣ и теперь устыдился бы своего легкомыслія, имъ обнаруженнаго въ «Міровыхъ Загадкахъ».

Кто знакомъ съ «религіозно-нравственными воззрѣніями индійцевъ, предшествовавшими буддизму», тотъ, конечно, знаетъ, что тамъ рекомендовалось не то, что угодно Геккелю, а какъ разъ иное: «полное умерщвленіе тѣлесной природы—этой *темницы души*..., самоумерщвленіе...» (*проф. А. Ѳ. Гусевъ: «Нравственный идеалъ буддизма въ его отношеніи къ христіанству»*, Спб. 1874 г., стр. 32 и друг.). О буддизмѣ уже и говорить излишне. Самъ Будда «не шелъ противъ не особенно насильственнаго разслабленія тѣла» (стр. 118). А съ теченіемъ времени у буддистовъ «вошелъ даже обычай жженія тѣла, какъ средство установить господство духа надъ» нимъ (стр. 119)... Китайскіе буддисты «въ одно время до такой степени увлеклись мыслью», заключенною «въ основѣ этого обряда, что стали» даже «самымъ безобразнымъ образомъ калѣчить себя» (ibid.). Буддистъ знаетъ и ни на минуту не забываетъ, «что тѣло есть ничто иное, какъ гнѣздилище болѣзней, что оно скрываетъ въ себѣ, какъ зерно—зародышъ, старость и смерть, гордость и лецемѣріе, и что жизнь въ этомъ гниломъ кускѣ есть смерть» (Wuttke у проф. А. Ѳ. Гусева: стр. 121)... По ученію буддизма, «лучше вырвать мозгъ изъ костей, чѣмъ ублажать тѣло» (стр. 122)...

Какова восхваляемая Геккелемъ *дѣйствительная* мусульманская тѣлесная чистота, не станемъ уже и говорить: намъ—русскимъ—она извѣстна достаточно. Умалчиваемъ уже и о побужденіяхъ къ ней въ магометанствѣ... Все это принципіальнаго значенія не имѣетъ и имѣть не можетъ...

III. Говоря о проповѣдуемомъ будто бы христіанствомъ «презрѣніи къ природѣ», Геккель особенно возстаетъ противъ христіанскаго пренебреженія (будто бы) «къ животнымъ», противъ христіанской къ нимъ (будто бы) «жестокости...» и выше христіанства ставитъ «буддизмъ...», а тѣмъ болѣе свою «монистическую этику» (она--де «куда выше христіанской!»), по которой «животныя», молъ, «наши братья» (въ собственномъ смыслѣ слова, если имѣть въ виду происхожденіе ихъ и людей

по «дарвинистической» доктринѣ). «Никогда»-де «естествоиспытатель-монистъ, обладающій добрымъ сердцемъ, не запятнаетъ себя мучительствомъ животныхъ, которое», будто бы, «со спокойной совѣстью позволяетъ себѣ... вѣрующій христіанинъ», яко-бы съ «улыбкой» оправдывающійся: «вѣдь животныя не христіане!» Причина столь скорбнаго-де явленія въ христіанствѣ—та, по Геккелю, что «христіанская доктрина—антропистична» и «удѣляетъ человѣку, какъ *подобію Божьему*, въ отличіе отъ всей прочей природы, исключительное положеніе»... Такой «антропизмъ... привелъ къ чрезвычайно пагубному отчужденію отъ нашей чудной матери—*природы*, а также къ пренебрежительному отношенію къ другимъ организмамъ...», напримѣръ, «къ нашимъ друзьямъ: собакамъ, лошадямъ, рогатому скоту»... Вотъ почему-де «въ католическихъ странахъ Южной Европы» и происходятъ «возмутительныя мучительства надъ животными», вызывающія «въ каждомъ другѣ» послѣднихъ «глубокое сожалѣніе къ безсловеснымъ тварямъ и негодованіе противъ ихъ мучителей»... Помимо всего этого, Геккель жалѣетъ и о томъ, что христіанинъ, при его точкѣ зрѣнія, лишенъ-де «множества возвышенныхъ наслажденій, въ особенности великаго, воистину облагораживающаго *наслажденія природой*» (стр. 186).

Но и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, Геккель себѣ равенъ: иное искажаетъ то сознательно, то, быть можетъ, несознательно, — иного прямо не понимаетъ, — иное въ своихъ толкованіяхъ извращаетъ,—иного не видитъ и пр. и пр.

Не говоримъ уже о томъ, что случайныя ненормальныя явленія Геккель и въ настоящій разъ иногда разсматриваетъ—какъ нормальныя въ христіанствѣ и имѣющія принципіальное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли говорить о томъ, что происходитъ хотя бы въ «католическихъ» странахъ?!.. Если мучатъ животныхъ католики или кто-либо другой, то вѣдь подобныя явленія къ существу вопроса не относятся нимало... Вѣдь слѣдуетъ смотрѣть не на это,—когда обвиняютъ христіанство,—а на совершенно иное: на то именно, какъ учитъ по тому или другому вопросу христіанство само по себѣ. Если лица, именующія себя христіанами, однако, спокойно бросаютъ бомбы, убиваютъ изъ браунинговъ, совершаютъ насилія, непотребствуютъ, всячески безобразничаютъ и пр., то христіанство-то здѣсь вѣдь нисколько невиновно... Не такъ ли? Какъ разъ тоже, конечно, слѣдуетъ сказать и

касательно Геккелевскихъ католиковъ и ихъ отношеній къ христіанству... Посему «католическія страны Южной Европы» можно спокойно оставить въ сторонѣ..., хотя бы тамъ (если вѣрить Геккелю) совершались и еще болѣе возмутительныя безобразія... Только совсѣмъ напрасно Геккель по своему ученому невѣжеству объясняетъ констатируемыя имъ издѣвательства католиковъ надъ животными вліяніемъ «антропистической доктрины христіанства»,—напрасно уже по тому одному, что христіанство, какъ увидимъ ниже, учитъ совсѣмъ иному отношенію къ природѣ и животнымъ и, какъ уже отмѣчено, безусловно не-повинно въ томъ, что «такъ называемые» христіане ведутъ себя совсѣмъ не по-христіански, а по-языčески... Не нравящаяся Геккелю «антропистичность» христіанства, если понимать ее даже и по указкѣ «нѣмецкаго Дарвина», нисколько не отвѣчаетъ,—оказывается,—за смущающія его безобразныя явленія.

Какъ христіанство само по себѣ относится къ природѣ, это видно изъ жизни Божественнаго его Основателя—Господа Іисуса Христа. Онъ,—какъ это прекрасно выясняетъ о. Протопресв. І. Л. Янышевъ (см. его «*Православно-христіанское ученіе о нравственности*»; 2-е изд. цит. выше),—«не безразлично относился къ красотамъ природы»... и «пользовался ея благами настолько, насколько это служило цѣли Его призванія на землѣ, и другимъ содѣйствовалъ въ обладаніи и пользованіи ими. Земля и ея произведенія доставляли Ему любимый матеріалъ для» Его «притчей (поле, сѣяніе и жатва, сѣмя горчичное, драгоцѣнный жемчугъ, птицы небесныя, голубь и змѣя, овцы съ пастухомъ и т. д.); полевая лилія», напримѣръ, «производила на Него впечатлѣніе красоты, какого не могла бы» оставить и «вся роскошь Соломоновыхъ одеждъ; Онъ не только не пренебрегаетъ драгоцѣннымъ благовоніемъ, которое расточала для него благодарная любовь помилованной грѣшницы, но» даже «и «защищаетъ эту трату отъ упрека въ расточительности»; далѣе, «чудесами укрощенія бури и волнъ морскихъ, грозившихъ опасностію жизни, безчисленными исцѣленіями больныхъ, неоднократнымъ воскрешеніемъ мертвыхъ Спаситель свидѣтельствуетъ» (равно какъ и «чудомъ на бракѣ въ Канѣ Галилейской», «чудеснымъ» насыщеніемъ народа «хлѣбомъ и рыбою» и т. д.), что Онъ и «знаетъ силы и законы» природы, и «понимаетъ ея красоту, сочувствуетъ ей и пользуется ею для земного благосостоянія»... (стран.

316—317; а по 1-му изданію—стран. 226—227). Нужно ли еще что-либо къ этому прибавлять? Едва ли! Можно ли послѣ этого Геккелю жалѣть о христіанахъ, будто бы лишенныхъ «великаго, во-истину облагораживающаго *наслажденія природой*?» Можно ли утверждать, что христіанство «принципіально» «пренебрегаетъ» природой? Небылицы, возводимыя Геккелемъ на христіанъ, въ дѣйствительности, какъ мы уже видѣли (и какъ увидимъ ниже), существуютъ только въ его разстроенномъ и зломъ воображеніи.

Но, что христіанство и вообще слово Божіе (и ветхозавѣтное) не пренебрежительно относится, въ частности, и къ животнымъ (а не только къ природѣ вообще),—и это, въ свою очередь, не подлежитъ никакимъ сомнѣніямъ (и уже было подробно раскрыто *мною* въ статьяхъ: а., «*Отношенія между человѣкомъ и животными*»—«*Христ. Чтен.*» 1895 г., іюль—августъ и б., «*Отношеніе къ животнымъ*»—«*Православн. Богословск. Энциклопед.*»; т. 5, Спб. 1904 г., colon. 558—563; а также в., «*Вопросъ о вегетаріанствѣ*» etc.—цит. выше).

Въ частности, по ученію слова Божія, человѣкъ является вѣнцомъ божественнаго творенія, господиномъ и владыкою всей твари (Быт. I, 28, 26). Послѣдняя представляется возванною къ бытію ради человѣка. Вся видимая природа земная предназначена на служеніе человѣку. Она есть какъ бы жилище, гдѣ хозяиномъ и распорядителемъ является человѣкъ... Условіемъ, возвышающимъ человѣка надъ всею видимою природою, служитъ особый составъ его существа. Одинъ только человѣкъ на землѣ созданъ по образу Божію (Быт. I, 27). Одинъ только онъ состоитъ не изъ тѣла лишь, но вмѣстѣ съ тѣмъ и изъ души, вдунутой въ него Творцомъ (II, 7). Духъ человѣка безсмертенъ и предназначенъ къ вѣчному развитію и усовершенствованію, что, какъ всецѣло чуждое животнымъ, возвышаетъ человѣка надъ послѣдними на недосягаемую высоту...

Но, если человѣкъ призванъ обладать землею и владычествовать надъ тѣмъ, что на ней находится (I, 28. 26), то спрашивается: чѣмъ онъ долженъ въ данномъ случаѣ руководствоваться?

Разсматриваніе Божіихъ *твореній*, по слову св. Ап. Павла, даетъ возможность увидѣть *вѣчную силу* Бога и *Божество* (Римл. I, 20). Слѣдовательно, въ этихъ твореніяхъ Богъ извѣстнымъ образомъ заявляетъ о Себѣ, открываетъ Себя, Свою

божественную и святую волю, силу и пр. Отсюда самъ собою проистекаетъ выводъ по отношенію къ человѣку,—тотъ именно, что въ своемъ поведеніи, въ виду остальныхъ твореній Божіихъ, послѣдній *не долженъ и не можетъ руководствоваться произволомъ, но обязанъ постоянно имѣть предъ собою тѣ цѣли, съ какими эти творенія созданы Богомъ, и, съ своей стороны, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать ихъ осуществленію.* Только такое поступаніе человѣка и можно назвать нормальнымъ въ данномъ случаѣ. Всякое же иное, конечно, ненормально. На послѣднемъ судѣ потребуется отъ человѣка отчетъ, между прочимъ, и въ его поведеніи по отношенію къ прочимъ земнымъ тварямъ...

Но какъ же, въ частности, человѣкъ долженъ смотрѣть на послѣднихъ? Человѣкъ, по слову Божію, созданъ для высокой цѣли: для стремленія къ Богоуподобленію (ср. Матѳ. V, 48). Внѣшняя природа, а въ томъ числѣ и животныя и пр., все это какъ и сказано уже, сотворено для человѣка. Слѣдовательно, всѣ животныя и всѣ вообще земныя творенія являются какъ-бы нѣкоторыми средствами, помогающими человѣку идти по жизненному пути, т. е., другими словами: по пути къ его нравственному усовершенствованію. Словомъ, всякое земное твореніе должно быть прежде всего разсматриваемо человѣкомъ—какъ именно средство въ указанномъ смыслѣ. А со всякимъ средствомъ, конечно, должно поступать осторожно, не злоупотребляя имъ и не направляя его туда, куда не слѣдуетъ, и къ цѣлямъ не-соотвѣтственнымъ, не-подходящимъ. Иначе средство данное не только не посодѣйствуетъ его нравственному развитію и его движенію къ своей конечной цѣли, но скорѣе всего—даже попрепятствуетъ... Это—съ одной стороны. А съ другой, всякое твореніе,—въ томъ числѣ, конечно, и животныя,—можетъ быть разсматриваемо и не только—какъ средство лишь для человѣка, но въ извѣстной степени и—какъ самоцѣль, какъ нѣчто такое, что имѣетъ нѣкоторыя права существовать и само для себя только. Отсюда человѣкъ, призванный владычествовать надъ природою, не всегда имѣетъ право смотрѣть на послѣднюю только чрезъ стекло своихъ личныхъ интересовъ; но иногда,—да и не только иногда, впрочемъ,—а и вообще обязанъ не забывать и иной, именно вышеуказанной, точки зрѣнія на дѣло. Другое, сравнительно съ этимъ, поступаніе человѣка будетъ указывать уже на злоупотребленіе съ его стороны данною ему отъ Творца властью,

какъ не отвѣчающее тѣмъ цѣлямъ, съ какими создана внѣшняя природа, какъ идущее въ разрѣзъ съ божественною волею. Вообще въ своихъ отношеніяхъ къ внѣшней природѣ, а слѣдовательно—и къ животнымъ человѣкъ долженъ подражать Создателю, образомъ Котораго онъ является. «*Господь—праведенъ во всѣхъ путяхъ Своихъ и благъ во всѣхъ дѣлахъ Своихъ*» (Псал. CXLIV, 17). *Праведенъ* и *благъ*... «*Благъ Господь ко всѣмъ, и щедроты Его на всѣхъ дѣлахъ Его*» (—9)... Эти же черты должны отличать собою, между прочимъ, поведеніе человѣка и въ отношеніи къ внѣшней природѣ. Вносить какое-либо разстройство въ нее онъ не имѣетъ нравственнаго права: *ему не могутъ дозволить этого ни справедливость, ни благость*. Руководствующійся въ данномъ случаѣ тою и и другою человѣкъ съ похвалой отмѣчается у премудраго Соломона: «*праведный*»—говоритъ послѣдній,—*печется и о жизни скота своего, сердце же нечестивыхъ жестоко*» (Притч. Сол. XII, 10). Конечно, бываютъ случаи, когда человѣкъ вынуждается наносить ущербъ животнымъ и пр. и даже лишать ихъ самой жизни, но эти случаи имѣютъ особый характеръ и ничего не говорятъ противъ высказанныхъ нами положеній. Такъ, когда, напр., нападаетъ на человѣка дикій звѣрь,—то первый, самозащищаясь, имѣетъ право убить послѣдняго. И вообще человѣкъ въ правѣ искоренять вредныхъ животныхъ, которыя могутъ угрожать безопасности его или другихъ людей. Наконецъ, разрѣшается человѣку убивать извѣстныхъ животныхъ для употребленія ихъ мяса въ пищу. Но всѣ подобныя разрѣшенія имѣютъ не безусловное значеніе, а условное, ограниченное. Избіеніе вредныхъ и опасныхъ для человѣка живыхъ существъ должно быть ведено крайне осмотрительно во всѣхъ отношеніяхъ: и въ отношеніи къ мѣрѣ его, и—формѣ. *Иначе поведеніе человѣка будетъ всецѣло предосудительно, какъ отмѣченное элементомъ жестокости*. Равнымъ образомъ и избіеніе животныхъ въ пищу человѣку не должно переступать опредѣленныхъ границъ,—скорѣе—даже должно, по мѣрѣ возможности, все болѣе и болѣе исчезать и исчезать, какъ само по себѣ не-нормальное, не-исконное, явившееся въ міръ лишь съ теченіемъ времени и, при томъ, вслѣдствіе человѣческаго грѣха и пр. (всѣ подробности чит. въ *моей* публичной рѣчи о «вегетаріанствѣ», цит. выше, и отчасти, въ другихъ, раньше названныхъ, *моихъ* статьяхъ)...

Приличная мѣра, приличная форма... должны быть на-

лицо и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы пользуемся животными для доставленія себѣ такихъ или иныхъ развлеченій, удовольствій и проч.

Предыдущія страницы ясно,—намъ думается,—опредѣляютъ христіанскую точку зрѣнія на дѣло. Онѣ вполнѣ достаточно намѣчаютъ отвѣты проникнутаго христіанскимъ духомъ человѣка на вопросы: о вивисекціи, охотѣ, о держаніи животныхъ, птицъ, рыбъ... въ неволѣ и о тому подобныхъ явленіяхъ, сплошь и рядомъ встрѣчающихся въ обыденной жизни.

Рѣзать живыхъ животныхъ (вивисекція) и eo ipso мучить ихъ... даже до смерти (напр., собаку, кролика, лягушку...) иногда,—говорятъ,—необходимо въ интересахъ человѣчества. Вивисекторъ такимъ путемъ можетъ—де узнать многое такое, что̀ затѣмъ съ огромною пользою могло-бы быть примѣнено къ человѣку (по части разузнаванія и лѣченія болѣзней и пр.). А интересы человѣка, молъ, во всякомъ случаѣ должны быть предпочитаемы интересамъ какихъ-то тамъ животныхъ... Если ученый, прибѣгающій къ вивисекціи, дѣйствительно твердо убѣжденъ въ томъ, что польза, о которой идетъ рѣчь, въ данномъ случаѣ подлежать сомнѣнію не будетъ, тогда, говорятъ, еще мыслимо на разсматриваемый вопросъ дать положительный отвѣтъ. Хотя вивисекція сама по себѣ—де зло, но ради человѣческой пользы, можетъ, молъ, быть допустима при подобныхъ условіяхъ. Такъ обычно смотрятъ на дѣло моралисты тѣ или другіе...

Точка зрѣнія не-христіанская и не-нравственная вообще, а между тѣмъ раздѣляется милыми сердцу Геккеля «естествоиспытателями», считающими животныхъ своими «братьями»... Странно, но—фактъ! Христіане,—которые, по Геккелю, презрительно отзываются о животныхъ: «животныя—не христіане»,—однако, не станутъ мучить живыхъ животныхъ, а проповѣдники «монистической» хваленой «этики», дѣйствительно, «со спокойной совѣстью» все это продѣлываютъ... Хороши «братья»!.. Ударъ, какой Геккель хотѣлъ нанести христіанамъ, попалъ не въ нихъ, а въ него-же самого! Удивительно!

Дѣло въ томъ, что христіанство не можетъ рекомендовать «іезуитскихъ» пріемовъ, напр., о «цѣли, оправдывающей средства» (ср. объ этомъ наши статьи, цитов. выше),—какъ пріемовъ безнравственныхъ и ничѣмъ не оправдываемыхъ. Въ данномъ случаѣ человѣкъ,—видите-ли,—желаетъ извлечь себѣ пользу мученіями другихъ (пусть это будутъ даже животныя, но по-

своему наслаждающіяся бытіемъ, по-своему радующіяся и пр.),—на несчастіи другихъ основать свое благополучіе... Этой точки зрѣнія христіанство никогда допустить не можетъ, не можетъ одобрять... Еслибъ гг. вивисекторы, ради пользы человѣчества, вздумали дѣлать опыты надъ самими собою, то это было-бы лучше съ нравственной точки зрѣнія (здѣсь было-бы самопожертвованіе ради другихъ...), хотя, разумѣется, христіанство не одобряетъ и самоубійства, въ какой-бы формѣ и ради какихъ-бы цѣлей оно ни совершалось (см. подробности въ *моей* статьѣ: «*Христіанское самолюбіе*»: цит. выше)... Болѣзни и страданія — явленіе дурное, не-желательное,—но они вошли въ міръ по винѣ человѣка; по винѣ человѣка пришла въ разстройство и вся «тварь» (Римл. VIII, 20)... Ее, посему, человѣкъ долженъ жалѣть, щадить (избѣгать даже употребленія ея въ пищу)... и ни въ какомъ ужъ случаѣ ея страданіями, имъ лично причиняемыми, не создавать своего собственнаго благополучія. Человѣку лучше остаться больнымъ, лучше умереть, чѣмъ чрезъ мученія другихъ добиваться здоровья, исцѣленія... Господа «монисты естествоиспытатели», поступающіе иначе, какъ разъ и грѣшатъ тѣмъ, въ чемъ пытаются обвинить христіанство само по себѣ, т. е., «антропистической маніей величія», и въ лучшемъ случаѣ—крайнею непослѣдовательностью... Они не хотятъ понять—эти гг. естествоиспытатели, что если допустить вивисекцію надъ животными—человѣческими «братьями, то вѣдь можно затѣмъ дойти и до вивисекцій надъ людьми—нашими ближними... Вѣдь здѣсь *качественной* разницы между «животными» и «людьми» нѣтъ (стр. 186 у Геккеля)..., по монистическому (возвышенному!!) міровоззрѣнію... Вотъ и договорились гг. монисты!.. Однако, какъ далеко вамъ до христіанской-то точки зрѣнія! Ни понять вамъ ея, ни дорости до нея!

Если христіанство принципіально не можетъ разрѣшить вивисекцій даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ихъ польза для человѣка была-бы несомнѣнной, то тѣмъ болѣе это должно сказать о случаяхъ, гдѣ ожидаемая отъ вивисекцій «выгода» или слишкомъ малозначительна, или совсѣмъ безцѣльна... Рѣзать безцѣльно дерево... нелѣпо; тѣмъ болѣе гнусно рѣзать и мучить животныхъ... только ради своего удовольствія и безъ всякой часто пользы для кого-бы то ни было! Если подобный естествоиспытатель отрицательно относится къ христіанству, то пусть послушается хотя-бы голоса своей совѣсти, если только

и онъ не угасъ въ немъ окончательно, какъ у г. Геккеля. Если въ естествоиспытателѣ—монистѣ еще теплится хотя-бы искорка состраданія и жалости къ живымъ существамъ, то онъ долженъ понять всю безнравственность и жестокость своихъ дѣйствій въ данномъ случаѣ!

Впрочемъ, кому-же не-извѣстно, что пресловутые гг. естествоиспытатели нерѣдко прибѣгаютъ къ вивисекціямъ и въ такихъ случаяхъ, когда завѣдомо не предвидится никакой пользы для человѣчества (съ какимъ восхищеніемъ иногда разсказываютъ молодыя курсистки или зеленые студентики о томъ, какъ они потрошили лягушекъ...,—и не подозрѣвая при этомъ, повидимому, о какихъ гнусностяхъ они говорятъ столь равнодушно и даже съ похвальбой)!.. Здѣсь они являются уже сугубыми преступниками даже и съ обычной житейской точки зрѣнія, подлежащими строгой отвѣтственности не только уже предъ элементарнымъ хотя-бы нравственнымъ закономъ, но и предъ законами гражданскими...

Геккель со своими «присными» въ концѣ концовъ превратились въ обвиняемыхъ, что и требовалось доказать.

Вопросъ объ охотѣ рѣшается, при свѣтѣ христіанской точки зрѣнія, безъ труда. Само собою понятно, что нужно щадить даже и дикихъ звѣрей (вышедшихъ изъ повиновенія человѣку и вообще изъ своего первобытнаго состоянія въ нынѣшнее по винѣ человѣка: ср. выше), насколько это допустимо и возможно. Это—общее положеніе. Но, говорятъ, если цѣль охоты—доставить себѣ необходимыя средства къ жизни, тогда-де она можетъ считаться дѣломъ нравственно — позволительнымъ... Однако, лучше-бы воздерживаться отъ охоты даже и въ такихъ случаяхъ, тѣмъ болѣе, что употребленіе мяса въ пищу вообще нежелательно и только дозволено намъ, а не приказано..., — да и дозволено въ силу послѣдствій прародительскаго грѣхопаденія, а не по какой-либо болѣе высокой причинѣ. Всего этого забывать не слѣдуетъ (см. подробности въ *моей* цитов. «рѣчи»)... Если-же цѣль охоты—избіеніе приносящихъ человѣку вредъ и даже угрожающихъ его жизни дикихъ животныхъ, то въ этомъ случаѣ охота, какъ нѣкотораго рода самооборона, самозащита..., *можетъ* не встрѣчать серьезныхъ и непреодолимыхъ возраженій (объ этомъ отчасти уже было говорено выше)... Но охота ради ея самой, ради развлеченія, ради доставленія себѣ удовольствія, травля животныхъ собаками...,—все это—нѣчто ужасное, мер-

зкое и гнусное, противъ чего всецѣло возмущается и возстаетъ наше нравственное чувство. На какого-нибудь несчастнаго зайца, который никому не мѣшаетъ и по-своему веселится и славитъ Творца, выпускаютъ цѣлую свору спеціально пріученныхъ къ такимъ безобразнымъ дѣяніямъ собакъ..., гонятся за нимъ..., стрѣляютъ... и послѣ съ восторгомъ разсказываютъ объ этомъ, какъ о какомъ-либо подвигѣ!.. Мерзость! Не такъ давно въ распространеннѣйшей газетѣ одинъ «интеллигентъ» съ восхищеніемъ вспоминалъ объ одномъ покойномъ московскомъ университетскомъ профессорѣ, съ которымъ они хаживали въ какую-то московскую рощу стрѣлять воронъ..., стрѣлять такъ себѣ, ради потѣхи, чтобъ нагулять аппетитъ передъ обѣдомъ... Какая дикость!

И если противъ кого здѣсь Геккель могъ-бы метать громы и молніи, то опять не противъ христіанъ самихъ по себѣ, а противъ «такъ называемыхъ» христіанъ, ничего съ христіанствомъ общаго въ сущности не имѣющихъ, или противъ своихъ-же «естествоиспытателей—монистовъ», повинныхъ не только въ охотѣ, но и въ легкомысленной, при-томъ. Да!

Какъ на дѣло не-христіанское, какъ на дѣло жестокости человѣческой, должно смотрѣть и на глубоко-укоренившійся обычай держать въ неволѣ птицъ (въ клѣткахъ), золотыхъ рыбокъ (въ комнатныхъ акваріумахъ) и т. под. Человѣкъ не извлекаетъ отсюда никакой для себя пользы, кромѣ не особенно понятнаго иногда и дикаго часто удовольствія (человѣку иногда доставляетъ неизъяснимое восхищеніе, если какой-нибудь попугай выкрикнетъ ругательное слово!.. Наслажденіе «Тита Титыча»)!.. А между тѣмъ эти живыя существа, вырванныя изъ «своей» среды, изъ тѣхъ условій, какія являются для нихъ наиболѣе соотвѣтствующими и родными..., принуждены жить въ совершенно чуждой имъ обстановкѣ, безъ свободы, терзаться, мучиться и. т. п.

Вотъ-бы противъ чего ратовать Геккелю и К°! Вотъ-бы противъ этого..., въ чемъ,—повторяемъ,—христіанство само по себѣ, однако, безусловно неповинно..., и относительно чего геккелистамъ не худо-бы вспомнить слова басни: «чѣмъ кумушекъ считать трудиться, не лучше-ль на себя, кума, оборотиться»?..

Словомъ, по откровенному ученію, въ основѣ отношеній человѣка къ животнымъ должны лежать *справедливость* и *благость*,—мысль, что и животнымъ свойственны чувства боли,

какъ и чувства радости и довольства... Отсюда человѣку должно быть присуще желаніе, по мѣрѣ возможности, облегчать жизнь животныхъ или, по крайней мѣрѣ, не препятствовать имъ жить по-своему... И *только* такое отношеніе человѣка къ животному міру и можетъ быть признано нормальнымъ и единственно—желательнымъ...

Не трогательно ли читать такія, напр., строки о *христіанскихъ* монастыряхъ?! «На островѣ» (Валаамѣ) «въ рощахъ скачутъ зайцы по той причинѣ, что ловить ихъ монахамъ не для чего, а стрѣлять богомольцамъ запрещено» (*«Живописная Россія»*, изд. Вольфа; 1881 г., т. I, ч. 1, стр. 456). «Пользуясь тѣмъ же запрещеніемъ стрѣльбы на островѣ, тюлени цѣлыми стадами выползаютъ на прибрежныя скалы и нѣжатся на вѣтрѣ и солнцѣ въ усладительномъ снѣ и покоѣ» (стр. 458)... Могутъ ли что либо подобное написать о своихъ монистическихъ поселеніяхъ гг. послѣдователи Геккеля? Или прочитайте хотя бы 88 е правило Трулльскаго Собора свв. отцовъ! «Случалось иногда», говоритъ толкователь этого правила—Вальсамонъ, «нѣкоторымъ во время жесточайшей зимы останавливаться въ храмѣ..., и большой снѣгъ заставлялъ входить внутрь храма *съ ихъ конями* и такимъ образомъ избѣгать смертельной болѣзни отъ простуды. Но благоговѣніе ко храму» естественно «не дозволяло имъ этого дѣлать; и они сами, входя во храмъ, избѣгали опасности простуды; а животныя ихъ, стоя внѣ храма, дѣлались жертвою холода»... Во избѣжаніе этого *«свв. отцы» и позволили* въ подобнымъ случаяхъ *вводить въ храмъ и животныхъ*, «дабы» (говоритъ толкователь правила—Зонара) «животное, оставшись внѣ крова, не погибло» (см. цитатъ въ моей рѣчи о *«вегетаріанствѣ»*..., стр. 33)... «Милующее сердце», говоритъ преп. Исаакъ Сиринъ, «и о безсловесныхъ... ежечасно со слезами приноситъ молитву, чтобы сохранились» они..., «а также и объ естествѣ пресмыкающихся молится съ великою жалостію, какая безъ мѣры возбуждается въ сердцѣ его до уподобленія въ семъ Богу» (см. въ *моей* рѣчи: ibid.). На вопросъ: «что такое сердце милующее?» преп. Исаакъ отвѣтилъ: «возгорѣніе сердца у человѣка о всемъ твореніи, ...о птицахъ, о животныхъ... и о всякой твари. При воспоминаніи о нихъ и при воззрѣніи на нихъ, очи у человѣка источаютъ слезы. Отъ великой и сильной жалости»,—продолжаетъ онъ,—«объемлющей сердце, и отъ великаго терпѣнія умаляется сердце его, и не можетъ оно вы-

нести или слышать, или видѣть какого-либо вреда или малой печали, претерпѣваемыхъ тварію» (ibid.)... Ср. еще, напр., Лук. XV, 3—6. Мѳ. XVIII, 12—13... Впрочемъ, что уже говорить о христіанствѣ, если и въ ветхозавѣтной Библіи находимъ, напр., законы: «*въ седьмой*» годъ «*оставляй*» землю «въ покоѣ, чтобы *питались убогіе..., а остатками послѣ нихъ... звѣри полевые. Такъ жс поступай съ виноградникомъ твоимъ и съ маслиною твоею*» (Исх. XXIII, 11) (Лев. XXV, 4—7)... «*Въ седьмой день покойся, чтобы отдохнулъ волъ твой и оселъ твой*»... (Исх.—12). *Когда увидишь осла брата твоего или вола его упадшихъ на пути, не оставляй ихъ; но подними ихъ*»... (Второз. XXII, 4. Ср. Лук. XIV, 5; ср. Мѳ. XII, 11), «*Не вари козленка въ молокѣ матери его*» (Исх. XXIII, 19. XXXIV, 26. Второз. XIV, 21). «*Не заграждай рта волу, когда онъ молотитъ*» (Второз. XXV, 4), и т. д.

Вотъ она христіанская-то точка зрѣнія, г. Геккель съ «приснымиѣ!..

А посмотрите ка, съ другой стороны, на восхваляемыхъ этимъ «ученымъ» (!) буддистовъ. «Даже въ душахъ членовъ монашескаго ордена... гордость до того сильна, что они считаютъ унизительнымъ для своего достоинства платить вѣжливостью за вѣжливость, благодарить за милостыни, какія народъ подаетъ имъ» (*Келлогъ*: «*Буддизмъ и христіанство*»; 2-е изд. Кіевъ, 1894 г., стр. 274)... Гдѣ ужъ тутъ говорить о хорошихъ отношеніяхъ этихъ эгоистовъ... не къ людямъ, а къ животнымъ? Если ими третируются люди, то, разумѣется, тѣмъ болѣе неразумныя твари... Если, далѣе, буддисты до такой степени не уважаютъ людей, что на каждомъ шагу похищаютъ чужую собственность,—заражены въ «широкихъ размѣрахъ» порокомъ воровства, не-извѣстныхъ даже «и у индусовъ, далеко не отличающихся честностью» (ibid.),—то тѣмъ менѣе фактически склонны «уважать» (!!) какихъ-то тамъ животныхъ...

Нѣтъ, совсѣмъ не такова христіанская точка зрѣнія по вопросу объ отношеніи къ животнымъ, какъ она представляется у пресловутаго Геккеля...,—и христіанство является нимало не повиннымъ въ тѣхъ небылицахъ, какія на него клеветнически или въ лучшемъ случаѣ по недомыслію или невѣжеству возводитъ здѣсь «нѣмецкій Дарвинъ»...

Однако, крайне удивительно, что послѣдній, проповѣдующій,—какъ мы видѣли,—о «равновѣсіи» между эгоизмомъ и

альтруизмомъ, спокойно ѣстъ самъ и разрѣшаетъ другимъ ѣсть «братьевъ» въ буквальномъ смыслѣ слова и «сестеръ» въ такомъ же смыслѣ: свиней, телятъ, овецъ... Какое уже тутъ «равновѣсіе»?.. Почему же тогда онъ возстаетъ противъ торговли рабами, противъ убіенія хилыхъ дѣтей—безполезныхъ будущихъ гражданъ и проч.? Вѣдь во всѣхъ этихъ случаяхъ существо-то дѣла, по Геккелю, одно и тоже!..

Печальный мыслитель!.. *)

Профессоръ **А. Бронзовъ.**

---

*) Окончаніе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.А. Бронзов

Современный антихрист

Опубликовано:
Христианское чтение. 1912. № 2. С. 137-156.

© Сканирование и создание электронного варианта: Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Современный антихристъ *).

IV. «Христіанство», говоритъ Геккель, «считаетъ нашу землю юдолью плача и скорби»,—смотритъ на «земную жизнь нашу»—лишь какъ на «подготовку къ вѣчной жизни на томъ свѣтѣ». Отсюда-де оно «совершенно послѣдовательно требуетъ», будто бы, «отъ человѣка, чтобъ» послѣдній «отказался отъ всякаго счастья на этомъ свѣтѣ» и «ни во что не ставилъ всѣ земныя блага» (разумѣются, въ частности, «всѣ безчисленныя, крупныя и мелкія, усовершенствованія въ области техники, гигіены и путей сообщенія», обусловливающія «комфортъ нашей современной культурной жизни»,—«высокое наслажденіе пластическими искусствами, музыкой, поэзіей, которыя пышно расцвѣли еще во время христіанскаго средневѣковья»..., «наконецъ, неоцѣнимыя научныя открытія и «главнымъ образомъ—въ области естествознанія»). «Всѣ эти земныя блага», высоко цѣнимыя-де «монистическимъ міровоззрѣніемъ», въ христіанствѣ, наоборотъ, будто-бы «не имѣютъ никакой цѣны» и мало того: «большей частью даже считаются» тамъ «предосудительными». Если «монистическая этика одобряетъ и рекомендуетъ» ихъ, то «строгая христіанская мораль должна»-де «осудить стремленіе» къ нимъ. «Христіанство», словомъ, «оказывается враждебнымъ культурѣ». «За культуру» съ нимъ и борются «современное просвѣщеніе и наука»... (у Геккеля стр. 186—187).

О «христіанствѣ и культурѣ» мы уже имѣли случай писать спеціальныя статьи въ «*Церковномъ Вѣстникѣ*» (1909 г., №№ 33 и 37) и потому въ настоящемъ случаѣ будемъ кратки.

*) Окончаніе. См. январь 1912 г.

Геккелево обвиненіе по адресу христіанства особенно чувствительно нынѣ, когда такъ называемая культура достигла преимущественнаго развитія и процвѣтанія и когда ею исключительно дорожатъ и гордятся. Естественно, что теперь именно всѣ ея защитники и почитатели (такъ называемая «интеллигенція») всего скорѣе и склонны враждебно отнестись ко всему, что такъ или иначе не благоволитъ ей—«культурѣ» этой.

Однако, какъ и въ другихъ случаяхъ, и въ настоящемъ обвиненіе, идущее противъ христіанства со стороны Геккеля, нисколько не справедливо. Это—непреложный фактъ, и «нѣмецкій Дарвинъ» въ лучшемъ случаѣ борется съ «вѣтряными мельницами» и съ выдуманными его больною фантазіею призраками.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое *культура*? Если понимать ее въ «широкомъ» смыслѣ, то подъ нею разумѣютъ «развитіе, прогрессъ, облагороженіе» человѣчества «въ областяхъ—религіозной, нравственной, соціальной, экономической»,—совершенствованіе его въ «каждой» изъ нихъ—«гармоническое» и чуждое односторонности (*Kneib:* «*Die Jenseitsmoral im Kampfe um ihre Grundlagen*»; Freib. im Breisg. 1906, S. 134. Сравн. «*Вѣхи*». «Сборникъ статей о русской интеллигенціи». Москва, 1909 г., стр. 157). Въ смыслѣ «узкомъ» культура—это—постепенное «подчиненіе» себѣ человѣкомъ матеріальной природы съ помощью «земледѣлія, промышленности и техники, торговли, искусства и науки» (*Mayer:* «*Christentum und Kultur*»; Berl., 1905; S. l. *Kneib*, S. 134. 135). У насъ подъ нею «обычно понимаютъ желѣзныя дороги, канализацію, мостовыя,—развитіе народнаго образованія, совершенствованіе политическаго механизма»... («*Вѣхи*», стр. 157),—просто: «средства питанія и защиты» (*Пфенниисдорфъ:* «*І. Христосъ въ современной духовной жизни*»; 1907 г. Харьк., стр. 7)... Послѣднее—«узкое»—пониманіе, къ сожалѣнію, нынѣ является наиболѣе «господствующимъ»: культура-де—«культивированіе матеріализма»—и только (*Ю. Александровичъ:* «*Нигилизмъ—модернъ и наши моралисты*»; 1909 г., Москва, стр. 10. Ср. «*Вѣхи*»: стр. 158. 160. 151. 152...), такъ какъ «единственное»-де «благо» въ жизни «есть матеріальная обезпеченность» (стр. 156). Нынѣшней интеллигенціи не до «чистаго понятія культуры» (стр. 158. 160)... Ей подайте только «утилитарное» пониманіе (стр. 157)... Со всякимъ же другимъ она только

«борется» и «борется», — особенно интеллигенція русская (стр. 158. 160)...

Ясно каждому, что христіанство не можетъ быть враждебно *широкому* пониманію культуры,—единственно правильному и чуждому односторонности,—соотвѣтствующему всѣмъ запросамъ человѣческимъ, а не тому или другому,—не тѣмъ или инымъ только. Вѣдь, по откровенному ученію, Творецъ создалъ человѣка не только изъ тѣла, но и изъ души и надѣлилъ то и другую извѣстными потребностями, склонностями, способностями. Гармонично развивая всѣ, дарованныя ему, способности, правильно удовлетворяя свои потребности—нравственныя, религіозныя..., все болѣе и болѣе совершенствуясь..., человѣкъ, такимъ образомъ, постепенно и приближался бы только къ своему идеалу, данному Творцомъ. Все было бы хорошо..., еслибъ развитіе, — словомъ, — шло «гармонично», разносторонне...,—еслибъ каждая частность здѣсь была на своемъ мѣстѣ, занимала соотвѣтствующее ея значенію положеніе...

Но, какъ и замѣчено, съ такимъ единственно правильнымъ представленіемъ культуры, раздѣляемымъ и христіанскою точкою зрѣнія, нынѣ, къ сожалѣнію, не желаетъ мириться наша «интеллигенція»—и русская, и европейская, обычно стоящая на пониманіе лишь узкое, одностороннее, ошибочное... Ясное дѣло, что *здѣсь* между христіанствомъ и «культурою» солидарности быть не можетъ, какъ между истиною и ложью. Христіанство не можетъ, въ угоду антихристамъ нынѣшнимъ (Геккелю и К°), отказаться отъ загробнаго міра, отъ признанія души и ея безсмертія, отъ ея правъ, преимущественныхъ предъ тѣлесными...,—не можетъ допустить только одинъ матеріальный міръ съ его матеріальными лишь потребностями сосредоточить свои заботы только на немъ одномъ. Не можетъ,—поддерживаемое, между прочимъ, и современною серьезною наукою (см., напр., книгу *Табрума—«Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ;* Москва, 1912 г.), вовсе не—согласною съ безпочвенными притязаніями антихристіанскихъ мыслителей (не говоримъ уже объ ея спеціальныхъ основаніяхъ въ данномъ случаѣ, которыхъ однихъ только совершенно достаточно для вѣрующаго христіанскаго сердца)... Не можетъ,—видя, къ чему приводитъ эта «лжекультура»—бокъ слѣпой «интеллигенціи»...,—видя, въ частности, попраніе всѣхъ высшихъ идеаловъ во имя грубыхъ матеріальныхъ лишь, развитіе порнографіи и всевозможныхъ проявленій безнрав-

ственности вообще, нравственнаго хулиганства и босячества, кулачнаго грубѣйшаго права, грабежей и насилій всякаго рода, безбожія, содомства, самоубійствъ, отцеубійствъ и т. п. и т. п. Не можетъ,—считая всѣ эти печальнѣйшія явленія естественнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ пропагандируемой «интеллигентами» лжекультуры, какъ яко бы единственно-истинной,—преклоненія только предъ одной матеріей и матеріальнымъ лишь... Разъ все оканчивается здѣсь—на землѣ, а дальше—ничто и ничто,—ясно, что «ѣшь, пей, веселись»...—вотъ тотъ единственный принципъ, который только еще и можетъ имѣть и имѣетъ какой-либо смыслъ... Не дай Богъ *такой* культуры! А отъ *нея* не уйти, не уйти ни въ какомъ случаѣ тѣмъ, кто, ограничивая всѣ свои помыслы *одною лишь* землею, думаетъ водворить нравственность среди людей безъ вмѣшательства религіи, Бога... Всѣ эти г.г. автономисты въ лучшемъ случаѣ слѣпы и жалки, а то такъ и прямо гнусны и недобросовѣстны, въ своихъ корыстныхъ разсчетахъ обманывая простодушную и наивную публику, пробуждая въ ней въ сущности лишь дикаго звѣря, лишь пещернаго обитателя.... И христіанство, расходясь съ такою «лже-культурою» и ея «умными« (ещебы!) проповѣдниками, можетъ только и только гордиться этимъ,—какъ отстаивающее единственно-разумную и безусловно-правильную точку зрѣнія, которой могутъ не понимать только лица,—подобно «Геккелямъ»,—приложившіяся къ несмысленнымъ скотамъ и имъ уподобившіяся...

Дѣло ясно... и можно было бы здѣсь уже и считать его поконченнымъ, еслибъ не представлялось необходимымъ сказать еще нѣсколько словъ въ опроверженіе нѣкоторыхъ Геккелевскихъ обвиненій по адресу христіанства, выше упомянутыхъ уже... (кромѣ «Міров. Загад.» Геккеля, см. еще, напр., *А. Pay* «*Die Ethik Jesu*», Giessen, 1899; S. 170 и др.,—*И. Гюйо* «*Соціальныя ученія христіанства*»; Спб. 1907 г., стр. 91 и друг.).

И, въ частности, *во-первыхъ*, христіанство не относится совершенно отрицательно ко «всякому счастью на этомъ свѣтѣ», ко «всѣмъ земнымъ благамъ».

Пятою заповѣдью десятословія обѣщается всѣмъ, почитающимъ своихъ родителей, долголѣтіе и вообще «благо», счастье. Здѣсь, какъ видите, совсѣмъ не враждебное отношеніе къ положенію человѣка «на этомъ свѣтѣ». Св. Ап. Павелъ о «жизни тихой и безмятежной» говоритъ—какъ о благѣ (1 Тимоѳ. II,

2)... Это очень характерно. Далѣе, Геккель и подобныя ему лица придаютъ особое значеніе матеріальному достатку—богатству — этому, цѣнимому ими, благу. Но христіанство и здѣсь не проявляетъ какихъ-либо враждебныхъ чувствъ. Дѣло въ томъ, что, съ христіанской точки зрѣнія, богатство и бѣдность—сами по себѣ—нѣчто въ нравственномъ отношеніи безразличное, не заслуживающее, посему, ни порицанія, ни одобренія. Прикосновеніе свободы и сознательности человѣка дѣлаетъ и то, и другое уже или хорошимъ, или дурнымъ. Все зависитъ отъ того, словомъ, какъ пользуется субъектъ богатствомъ,—какъ ведетъ себя въ бѣдности. Богатство становится дурнымъ въ томъ случаѣ, когда человѣкъ «прилагаетъ къ нему сердце», обращаетъ его въ самоцѣль, въ своего рода «summum bonum», привязывается къ нему... «*Сребролюбіе есть корень всѣхъ золъ*». Ему «*предавшись, нѣкоторые уклонились отъ вѣры, и сами себя подвергли многимъ скорбямъ... Убѣгай сего*»... (1 Тимоѳ. VI, 10—11). «*Умертвите... любостяжаніе, которое есть идолослуженіе*» (Колосс. III, 5)... Богатство—зло, если обладающій имъ человѣкъ будетъ разсуждать подобно евангельскому богачу: «*душа! Много добра лежитъ у тебя на многіе годы: покойся, ѣшь, пей, веселись*» (Лук. XII, 19); если станетъ «*собирать сокровища для себя, а не въ Бога богатѣть*» (—21) и т. д. (ср. Матѳ. VI, 19. 24). «Бѣдность и богатство»,—говоритъ св. І. Златоустъ,—«приведутъ оба къ добродѣтели, если мы захотимъ» (см. его «творенія» въ изд. Спб. Дух. Академіи; т. 2-й; 1896 г. стр. 173); «ни богатство не зло, ни бѣдность не добро..., но по волѣ пользующихся ими становятся или тѣмъ, или другимъ» (т. 3-й; 1897 г., стр. 366); «бѣдность способна унизить и доблестнѣйшую душу» (т. 1-й; 1895 г., стр. 432)... При отсутствіи такого настроенія, человѣкъ «*впадаетъ въ искушеніе и въ сѣть, и во многія безразсудныя и вредныя похоти, которыя погружаютъ людей въ бѣдствіе и пагубу*» (1 Тимоѳ VI, 9). При наличности его, человѣкъ получаетъ возможность (какъ уже и сказано выше: см. *у насъ* § II) помогать «*нуждающемуся*» (Ефес. IV, 28), если онъ имѣетъ достатокъ, богатство; можетъ самостоятельно устраивать свою нравственную жизнь, не вынуждаясь приспособляться къ окружающимъ людямъ и обстоятельствамъ... (ср. *у насъ*: loc. cit.).

Во-вторыхъ,—что христіанство ничего не говоритъ и говорить не хочетъ противъ «усовершенствованій въ области

гигіены»,—это тоже—безспорный фактъ. Выше мы уже освѣщали данный вопросъ по другому поводу. Тамъ приводили мѣста изъ *Новаго Завѣта*: Колосс. II, 23; I Тимоѳ. V, 23,—изъ *Ветхаго*: I. Сирах. XXXI, 21—24; XXXVIII, 1. 4. 9. 12... и комментировали... Видѣли, что, дозволяя въ извѣстныхъ случаяхъ употребленіе вина и призывая человѣка «почитать врача честію по надобности въ немъ»..., слово Божіе не относится къ «гигіенѣ», какъ таковой, отрицательно, пренебрежительно... Не такъ ли? Въ этомъ убѣдимся еще сильнѣе, если припомнимъ, что и Самъ Господь врачевалъ и исцѣлялъ всякаго рода «недужныхъ», больныхъ, воскрешалъ мертвыхъ и т. п. А какъ относилась къ интересующему насъ вопросу древняя христіанская Церковь, объ этомъ можно найти по мѣстамъ краснорѣчивыя свѣдѣнія, напр., въ книгѣ *Г. Ульгорна «Христіанская благотворительность»* etc. (Спб. 1900 г.)...

Въ-третьихъ, странно слышать изъ устъ Геккеля или кого бы то ни было другого, что христіанство что-то могло бы имѣть противъ «усовершенствованія путей сообщенія»... Христіанство и «пути сообщенія»..! Да пусть себѣ улучшаются послѣднія—и слава Богу! Вѣдь это «усовершенствованіе» являлось и раньше, и теперь является однимъ изъ внѣшнихъ средствъ, облегчающихъ дѣло скорѣйшаго распространенія проповѣди Христовой, съ одной стороны, а съ другой, само по себѣ ничего враждебнаго христіанству не представляло и не можетъ представлять. Упорядоченные пути сообщенія въ извѣстной степени помогали, конечно, и первымъ провозвѣстникамъ Евангелія Христова—Апостоламъ Господнимъ и ихъ ученикамъ, и проповѣдникамъ дальнѣйшаго времени и ужъ, во всякомъ случаѣ, не препятствовали имъ. Открытіе новыхъ странъ и съ тѣмъ вмѣстѣ новыхъ путей сообщенія имѣло своимъ послѣдствіемъ евангельскую проповѣдь въ какой-либо Америкѣ, въ Австраліи и т. д. Благодаря «усовершенствованію путей сообщенія», мы получили возможность посѣщать святыя мѣста, напр., Палестину съ ея священнымъ городомъ Іерусалимомъ, св. гору Аѳонъ, г. Баръ, Соловки...,—получили возможность нести евангельскую проповѣдь въ Японію и т. д. И что дало поводъ Геккелю обвинить въ настоящемъ случаѣ христіанство,—трудно себѣ и представить, если не предполагать, что онъ собиралъ обвиненія безъ всякаго разбора и безъ разсужденія..., лишь-бы нагромоздить ихъ возможно больше... Вотъ послѣднее-то, къ удивленію, и приходится постоянно констатировать... Однако, времена!.

Въ-четвертыхъ, «научныя открытія», съ христіанской точки зрѣнія, не только никогда не «предосудительны», но, напротивъ, всегда высоко «цѣнны». И зачѣмъ христіанство стало бы ихъ осуждать, если «истинныя» открытія никогда еще не подрывали его, да никогда не могутъ и подорвать вообще? «Цѣнны» же они потому, что, напротивъ, всегда лишь подтверждали и подтверждаютъ незыблемость христіанскихъ истинъ и разъясняютъ ихъ такъ или иначе. Напр., въ текущемъ уже столѣтіи, какъ извѣстно, «открытъ кодексъ Аммураби»—вавилонскаго царя, современника патріарха Авраама. Ясно отсюда, что «писанное законодательство существовало» за много вѣковъ до Моисея. Вотъ открытіе и вотъ выводъ. Оба весьма цѣнны для христіанства. Дѣло въ томъ, что извѣстный Велльгаузенъ отрицалъ «подлинность Моисеева законодательства» на томъ-де основаніи, что въ эпоху «Моисея» и «вообще не было письменности» какой-либо, а ужъ тѣмъ болѣе не могло быть «изданія цѣлаго свода законовъ». За Велльгаузеномъ стоялъ огромный авторитетъ,—и посему его заключенія являлись ошеломляющими. Но вотъ сначала «въ Египтѣ открываютъ цѣлую дипломатическую переписку», доказывающую, что «во времена Моисея письменность находилась уже на высокой степени процвѣтанія»... А затѣмъ въ Сузѣ отыскиваютъ памятникъ Аммураби, доказывающій, что «цѣлый сводъ законовъ» былъ письменно изложенъ еще въ эпоху Авраама! И вся теорія Велльгаузена разсыпалась въ прахъ... Куда дѣвались и его «сарказмы» въ родѣ того, что «Моисей» могъ быть «авторомъ извѣстнаго подъ его именемъ законодательства» въ такой же степени, въ какой «Господь І. Христосъ» былъ «составителемъ устава нижне-гессенской духовной консисторіи»... и т. д. (*«Странникъ»*, 1903 г., дек. *«Вавилонскій царь правды Аммураби»—проф. А. П. Лопухина*, стр. 861—862)? Побольше бы такихъ «научныхъ открытій», г. Геккель!

Въ-пятыхъ, «искусства, музыка, поэзія»..! Но здѣсь уже излишне и полемизировать съ Геккелемъ, такъ какъ онъ самъ же себя блестяще побиваетъ, *тутъ же* заявляя, что и первыя, и вторая, и третья «пышно расцвѣли еще во время христіанскаго средневѣковья» (у Геккеля стр. 186)... Впрочемъ, «расцвѣли»,—прибавляетъ онъ,—«не смотря на его», т. е., христіанскаго средневѣковья, «принципы». Интересно было бы знать: какіе же это «принципы?» Но въ подобныхъ случаяхъ «нѣмецкій Дарвинъ» обычно слишкомъ подозрительно молча-

ливъ («слово»-де «серебро, а молчаніе — золото!»)... А какъ христіанство относилось, напр., къ «искусству» до «средневѣковья», объ этомъ можно было-бы немало найти хотя бы въ прекрасной книгѣ *проф. Н. В. Покровскаго*: «*Очерки памятниковъ христіанской иконографіи и искусства*» (2-е изд. Спб. 1900 г.), а также въ трудахъ Н. П. Кондакова, отчасти Е. Рѣдина и др. Объ отношеніи христіанства (опять древняго) къ поэзіи можно составить себѣ представленіе хотя бы на примѣрѣ «замѣчательнаго римскаго христіанскаго поэта—Аврелія Пруденція Клемента» (*Брокгаузъ-Ефронъ*: «*Энциклопедич. Словарь*»; полут. 50-й; Спб. 1898 г., стр. 592), блестяще обслѣдованнаго и въ русской богословской литературѣ профессоромъ *П. И. Цвѣтковымъ* (см. его докторскую диссертацію: «*Авреліи Пруденціи Клементъ*»; 1890 г.). По тому же вопросу (т. е., объ объ отношеніи христіанства къ поэзіи), а также и по вопросу о взглядѣ христіанства на музыку чит. еще содержательную и поучительную книгу *архіеп. черниговскаго Филарета*: «*Историческій Обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой церкви*» (изд. 3-е; Спб. 1902 г.) и друг. Не излишне въ данномъ случаѣ припомнить и царя Давида, «бряцающаго» на «гусляхъ», воспѣваемаго Церковію, и его «Псалмы» и т. д. и т. д.

Больше ни о чемъ противъ христіанства въ данномъ случаѣ Геккель не говоритъ. Мы видѣли, что и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, этотъ прославленный мудрецъ пользуется такими антинаучными и недобросовѣстными пріемами, съ помощью какихъ можно доказать—что угодно и обвинить христіанство не только во враждѣ къ истинной культурѣ, а еще и въ болѣе страшныхъ вещахъ,—но..., но только цѣна такихъ обвиненій и доказательствъ меньше нуля...

Всегда нужно помнить, что Апостолы Христовы (какъ и христіанство вообще) проповѣдывали «любовь» и чрезъ то самое благожелательно относились къ культурѣ, поскольку плоды послѣдней облегчали и содѣйствовали проявленію этой величайшей добродѣтели. Міръ въ Апостольскую эпоху «глубоко погрязъ въ наслажденіяхъ» чувственныхъ, въ грубѣйшихъ порокахъ, въ разнузданности. Поэтому Апостолы, естественно, считали «опасною» для вѣрующихъ «тогдашнюю культуру» и предостерегали (напр., Ап. Іоаннъ Богословъ: см. 1-е посл. соборн., особенно II, 15, 16...; Ап. Павелъ: см. посл. къ Римл., Галат., Ефес. и др.) отъ нея христіанъ, — но только *отъ нея*, а не отъ культуры вообще.

Затѣмъ христіанство стало распространяться по вселенной... Представители Христовой Церкви въ это время всегда очень энергично содѣйствовали развитію и расцвѣту культуры: «освобождали женщинъ, дѣтей, невольниковъ»... изъ рабства, внося за нихъ иногда большой выкупъ; «епископы строили не только церкви, но и дороги, мосты, богадѣльни, больницы, воспитательные дома, школы, покровительствовали искусствамъ, наукѣ»... Знаменитый учитель христіанской Церкви Тертулліанъ говоритъ, что христіане «участвуютъ» съ другими «въ политической и экономической жизни, въ баняхъ, лавкахъ, мастерскихъ, гостинницахъ, на рынкахъ, во всѣхъ занятіяхъ» (см. у Kneib'a, Ульгорна...: op. citat.). Даже и отшельники «убѣгали не отъ міра съ его земными задачами» самими по себѣ, а «отъ міра съ его похотью», съ его грѣховностью, нравственной испорченностью, порочностью,— убѣгали отъ распущенности и развращенности... (ibidem).

Не имѣя надобности входить въ подробности, мы должны сказать, что Христіанская Церковь, всегда преслѣдуя, конечно, ближайшія свои прежде всего цѣли, въ то же время неизмѣнно покровительствовала также и истинной культурѣ. Это— безспорный фактъ, признанный всѣми добросовѣстными и серьезными изслѣдователями.

Святая истина,—что «вся» (именно!) европейская «цивилизація и культура покоится» на христіанствѣ, напитана христіанскимъ духомъ,—что «соціальное законодательство нашего времени» есть плодъ «христіанской» именно «культуры», христіанской проповѣди любви... Не видятъ этого—только слѣпой или тенденціозно настроенный злостный человѣкъ. Отнимите (но, конечно, это совершенно невозможно!), вычтите вліяніе христіанства въ исторіи возникновенія здоровой культуры, поскольку она заявляетъ о себѣ въ настоящее время, и въ итогѣ осталось бы не только нѣчто очень жалкое и очень мизерное, но еще и болѣе ничтожное (см. *мою* статью: «*Безплодно ли христіанство?*» *Странникъ*—1907 г., декабрь, стр. 648, 633, 624 и др.; Kneib, Ульгорнъ—цит. соч.; «*Ц. Вѣстн.*»—цит. №№-а и пр.)... Новѣйшее время, въ отношеніи къ урегулированію и усовершенствованію соціальной жизни, выдѣляется тремя явленіями: попеченіемъ о раненыхъ на войнѣ, освобожденіемъ рабовъ и «законосообразною» заботливостью о «четвертомъ» сословіи. И во всѣхъ этихъ явленіяхъ руководящее значеніе имѣло христіанство,—христіанскія идеи ока-

зали и здѣсь главное вліяніе...,—что уже было подробно выяснено *мною* на страницахъ журнала «*Странникъ*» (цит. 1907 г., дек...) и въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ (ср. ссылку въ № 37 «*Ц. Вѣст.*» за 1909 г.)... Разъяснено въ литературѣ и то еще, сколь много содѣйствовали развитію культуры русскія «обители», хотя и «строившія свою жизнь по загробному идеалу», именно: «Соловки, Печенга, Валаамъ, Новый Аѳонъ», Сергіева Лавра и т. п. (ср. *Прот. І. Ольшевскаго*, нынѣ *еп. Сильвестра*: «*Въ вѣрѣ ли мы?*» Полтава, 1909 г., стр. 209),—даже любой почти изъ ничтожнѣйшихъ монастырей, намъ лично извѣстныхъ: какой-нибудь заброшенный Кириллo-Новоезерскій и друг.

Дѣло крайней неблагодарности—отрицать благотворное содѣйствіе христіанства развитію истинной культуры и тѣмъ болѣе обвинять его—христіанство — даже во враждебныхъ послѣдней тенденціяхъ... И въ этомъ дѣлѣ безусловно повиненъ все тотъ же Геккель!

V. По словамъ Геккеля, «одной изъ самыхъ печальныхъ сторонъ христіанской морали является ея пренебреженіе» (будто бы) «къ семейной жизни»... А между тѣмъ «семья»—«устой общества», что несомнѣнно, и «нормальная семейная жизнь— необходимое условіе государственнаго процвѣтанія»... Іисусъ Христосъ, — говоритъ Іенскій ученый, — «придавалъ семьѣ такъ же мало значенія, какъ и всѣмъ другимъ благамъ *этого свѣта*»... «Отношенія Его къ Матери... вовсе»-де «не были нѣжны и поэтичны»... «Половая любовь», по ученію Господа, будто бы «лишь неизбѣжное зло». Ап. Павелъ прямо, молъ, заявилъ, «что лучше не жениться»... «Человѣчество», еслибъ оно послушалось «этого разумнаго» (!? Геккель позволяетъ себѣ еще сарказмы!) «совѣта..., вымерло бы въ теченіе одного столѣтія»... Всѣмъ извѣстно,—разсуждаетъ Геккель,—что «мужчина и женщина—два... полноправные организма»... А по ученію Христа, «женщина»-де «ниже мужчины, и сношенія съ ней носятъ нечистый характеръ». «Природа»-де «жестоко отомстила за это пренебреженіе къ ней», о чемъ свидѣтельствуетъ «исторія средневѣковаго папства»... (но папство *къ намъ* уже не имѣетъ отношенія: уже было сказано, что не о католическихъ злоупотребленіяхъ нужно говорить, когда идетъ рѣчь о чистомъ христіанскомъ ученіи!). И въ концѣ концовъ—подтверждающая ссылка на пресловутаго А. Рау (о которомъ уже была рѣчь у насъ выше и который уже самъ по

себѣ своимъ только именемъ краснорѣчивѣе всего доказываетъ ошибочность разсужденій руководящагося имъ Геккеля...) (см. въ «*Міров. Загадк.*» стр. 187).

Но и здѣсь утвержденія Геккеля столь же фальшивы, какъ и въ другихъ случаяхъ, когда онъ пытается вооружаться противъ христіанскаго ученія, которое, какъ уже выяснялось нами выше, ему въ сущности неизвѣстно или въ лучшемъ случаѣ понимается имъ ошибочно, превратно, подъ тенденціознымъ угломъ зрѣнія... Въ данномъ въ особенности случаѣ все это настолько ясно до самоочевидности, что въ длинныхъ разсужденіяхъ нашихъ совершенно не нуждается,—и посему рѣчь наша будетъ вообще коротка.

Во-первыхъ, напрасно Геккель здѣсь забылъ объ излюбленныхъ имъ—буддизмѣ, магометанствѣ, Ѳалесѣ, Сократѣ, Аристотелѣ и др. (ср. у *него* стр. 184, 185) и не противопоставилъ ихъ христіанству! Или это было ему невыгодно? И онъ пожелалъ воспользоваться тою же уловкою, къ какой обычно прибѣгали въ подобныхъ случаяхъ и многія другія лица: въ особенности графъ Толстой и даже, къ удивленію, В. С. Соловьевъ... Хорошъ научный пріемъ! Достоподражательный!

А буддизмъ поучилъ бы его многому: напр., тому, что «человѣку» только «въ наказаніе за его дурную жизнь предстоитъ возрожденіе женщиною»..,—что «женщина—существо низшей породы»,—что «жена, дочь, мать имѣютъ совершенно одинаковое значеніе съ непотребной женщиной»... (*проф. А. Ѳ. Гусева* op. cit., стр. 135 и др.). Нужно ли еще продолжать? Такъ-то, г. Геккель! «Брачная жизнь», по буддизму, «зло» (стр. 136...). Почему же обо всемъ этомъ Геккель умалчиваетъ и не приводитъ намъ въ примѣръ буддистовъ?..

Если кто-либо,—такова магометанская точка зрѣнія,—не знаетъ, какъ ему поступить въ затруднительномъ положеніи,—то пусть посовѣтуется со своимъ другомъ, а за отсутствіемъ послѣдняго—съ первымъ встрѣчнымъ мужчиною.., и затѣмъ да сдѣлаетъ согласно ихъ указаніямъ. Но, если ему не къ кому больше обратиться, кромѣ своей жены, то, пожалуй, пусть выслушаетъ ея мнѣніе, но послѣ... да поступитъ какъ разъ наоборотъ... (см. *мою* брошюру: «*Чего ждутъ отъ воспитанницъ Спб. Свято-Владимірской... церковно-учительской школы*»?.. Спб. 1911 г., стр. 5). Почему же о магометанахъ Геккель ни-слова? Странно.., но, конечно, понятно...

Ѳалесъ «благодарилъ судьбу за то, что родился мужчиной, а не женщиной»(ibid.—См. *мою*-же книгу: «*Христіанская заповѣдь о любви—новая заповѣдь*»; Москва, 1908 г., стр. 17)... Когда Сократа спросили: «съ кѣмъ онъ меньше разговариваетъ, чѣмъ съ женой», то онъ отвѣтилъ: «ни съ кѣмъ». «По мнѣнію Аристотеля, женщина—ошибка природы»; присущая ей «добродѣтель—совсѣмъ иная, чѣмъ добродѣтель гражданина, и мало, чѣмъ отличается отъ той, къ которой способенъ рабъ»... (см. *мою* брошюру: «*Чего ждутъ*»... стр. 5.—*Брокг.-Ефронъ*: «*Энциклопед. Словарь*»; 22-й полут.; Спб., 1894 г., стр. 874). «Лучшимъ украшеніемъ женщины», по словамъ Сократова ученика—Ксенофонта, является «молчаніе» (ibidem)... Почему бы Геккелю не сослаться и на этихъ всѣхъ мужей и не возвысить ихъ *здѣсь* предъ христіанствомъ? Ужъ за-одно бы сдѣлать выписку изъ *родственнаго* ему *Летурно* (см. его сочин. «*Эволюція морали*»; есть изд. русск. *Павленкова*,—есть и *Аскарханова*) о взглядѣ первобытныхъ дикарей на женщину, какъ на «пищу про запасъ», какъ на «вьючное животное» и лишь «орудіе наслажденія»?.. Почему бы ему не заглянуть и въ Талмудъ, по которому евреи «обязаны благодарить Бога» за созданіе ихъ мужчинами (см. *мою* брош. «*Чего ждутъ*»..., стр. 5—6. «*Мисс. Обозр.*» 1910 г., № 4, стр. 556: «*Христіанство и женскій вопросъ—свящ. І. Альбова*»), и т. д.? Но не выгодно... и потому не заглядываетъ...

Во-вторыхъ, еслибъ угодно было Геккелю заглянуть въ Ветхій Завѣтъ, то уже тамъ онъ увидѣлъ бы, что женщина цѣнилась высоко въ тѣ отдаленныя времена и что священные ветхозавѣтные писатели всячески восхваляли «добрую жену», содѣйствующую укрѣпленію семьи. «*Добродѣтельная жена—вѣнецъ для мужа своего*» (Притч. XII, 4). «*Мудрая жена устроитъ домъ свой*» (XIV, 1). «*Разумная жена—отъ Господа*» (XIX, 14). «*Кто нашелъ добрую жену, тотъ нашелъ благо и получилъ благодать отъ Господа*» (XVIII, 23). «*Кто изгоняетъ добрую жену, тотъ изгоняетъ счастіе*» (ibid). «*Кто найдетъ добродѣтельную жену? Цѣна ея выше жемчуговъ*» (XXXI, 10)... «*Мужъ не останется безъ прибытка... Воздаетъ ему добромъ... Добываетъ шерсть и ленъ, и съ охотою работаетъ своими руками*» (11—13)... «*Добываетъ хлѣбъ... Встаетъ еще ночью... Задумаетъ... о полѣ и пріобрѣтаетъ...* ; *отъ плодовъ рукъ своихъ насаждаетъ виноградникъ*» (14—16)...

«*Протягиваетъ руки свои къ прялкѣ*» (19)... «*Вся семья ея одѣта въ двойныя одежды*» (21)... «*Уста свои открываетъ съ мудростію, и кроткое наставленіе на языкѣ ея*» (26)... «*Не ѣстъ хлѣба праздности*» (27)... «*Жена, боящаяся Господа, достойна хвалы*» (30) и т. д. (чит. вообще стихи: 10—31)... «*Счастливъ мужъ доброй жены... Добрая жена—счастливая доля; она дается въ удѣлъ боящимся Господа*» (Сир. XXVI, 1. 3). «*Съ нею... сердце довольное и лицо во всякое время веселое*» (4)... «*Кроткая жена—даръ Господа и нѣтъ цѣны благовоспитанной душѣ*» (17). «*Благодать на благодать — жена стыдливая*» (18). Хорошая жена сравнивается съ «*солнцемъ*», съ «*свѣтильникомъ, сіяющимъ на святомъ свѣщникѣ*», съ «*золотыми столбами на серебряномъ основаніи*» (20—23)... и т. д.

Въ-третьихъ, Іисусъ Христосъ считаетъ мужа и жену *одною* плотью,—говоритъ, что ихъ *сочеталъ Богъ* (Мѳ. XIX, 6. 5), и поэтому запрещаетъ разводъ, кромѣ единственнаго случая—*прелюбодѣянія* мужа или жены (—9.—V, 32. Ср. Мрк. X, 11.—Лук. XVI, 18)... Не ясно-ли уже отсюда, что Господь и не думалъ унижать семьи, разъ она—дѣло Божіе?.. О какомъ-либо униженіи, въ частности, женщины Онъ также никогда не высказывался даже и намекомъ. Напротивъ, Господь бесѣдовалъ съ простою и необразованною Самарянкою (Іоан. IV, 4—43), которая превзошла даже самого Никодима, такъ какъ, по словамъ св. І. Златоуста, «тотчасъ» же «увѣровала» въ Мессію, оказавшись «разумнѣе» «начальника Іудейскаго» (см. *мою* брош.: «*Чего ждутъ*»..., стр. 7; тамъ—ссылка и на *А. Н. Надеждина: «Права и знач. женщины въ христіанствѣ»*; Спб. 1873 г.). Бесѣдовалъ съ «*Хананеянкою*» (Мѳ. XV, 22—28), за «*великую вѣру*» которой «*исцѣлилъ*» ея бѣсновавшуюся дочь (ср. Мрк. VII, 25 — 30),—гуманнѣйшимъ образомъ отнесся къ «*женщинѣ, взятой въ прелюбодѣяніи*» (Іоан. VIII, 3—11),—не презрѣлъ кровоточивой женщины, но исцѣлилъ (Мѳ. IX, 22)... Извѣстно Его трогательное отношеніе къ сестрамъ Лазаря—Марѳѣ и Маріи. «Исповѣданіе» Марѳою вѣры во Христа (Іоан. XI, 26 — 27... «*я вѣрю, что Ты Христосъ, Сынъ Божій, грядущій въ міръ*») ставятъ (*и справедливо*!) «наряду съ Петровымъ» (Мѳ. XVI, 16) и даже выше: послѣднее происходило въ присутствіи лишь учениковъ Христовыхъ (13—20), при чемъ Господь «*запретилъ*» имъ кому-либо говорить, «*что Онъ есть (Іисусъ) Христосъ*»

(20),—а первое—предъ лицемъ народа (Іоан. XI, 31, 36—37, 45—46)... А сколь нѣжныя чувства питалъ Онъ къ Своей Матери, это видно изъ Его словъ, обращенныхъ съ креста къ Ней и къ «*любимому*» ученику Его (Іоан. XIX, 26—27)... Введенная во храмъ, «во святая святыхъ», «куда не дозволялось входить не только женщинамъ, но и священникамъ», куда «и самъ первосвященникъ входилъ только однажды въ годъ послѣ продолжительнаго поста и молитвы»,—Пресвятая Дѣва уже съ 3-лѣтняго возраста своей жизни въ своемъ Лицѣ возвысила женщину на недосягаемую высоту. «Въ мірѣ нѣтъ ничего такого», по словамъ архіеп. константинопольскаго Прокла, «что могло бы сравниться съ Богородицею—Маріею... Есть ли другое подобное чудо въ твореніи?..» (см. «*Чего ждутъ*»..., стр. 12. Тамъ указаны цитаты изъ кн. *Снессоревой*, *А. Н. Надеждина*)... Рѣшительно ни—откуда не видно, чтобъ І. Христосъ унижалъ женщину—какъ таковую, или—чтобъ Онъ презрительно относился къ семьѣ, къ браку... Вѣдь Онъ даже удостоилъ посѣтить «*бракъ въ Канѣ Галилейской*» и сотворить тамъ чудо, «*положившее начало*» всѣмъ вообще Его «*чудесамъ*» (Іоан. II, 1—11)... Безграничную преданность и любовь къ Нему женщинъ (онѣ пренебрегали опасностями, разогнавшими Его учениковъ и доведшими до отреченія самого Петра, и безбоязненно сопровождали Страдальца на Голгоѳу, откуда ничто уже не могло ихъ удалить: ни римскіе суровые воины, ни внезапная тьма, ни землетрясеніе...; онѣ слѣдили за Іосифомъ, снявшимъ Тѣло Господне со креста... и положившимъ въ новомъ гробѣ..., смотрѣли гробъ..., приготовили благовонія и масти для своего Учителя... и затѣмъ очень рано пришли ко гробу...) Господь, напротивъ, наградилъ исключительно высоко: женщинѣ *первой*, въ лицѣ Маріи Магдалины, была возвѣщена радость о воскресшемъ Спасителѣ; ей *первой* Онъ явился по воскресеніи изъ мертвыхъ (Іоан. XX, 14—18. Марк. XVI, 9)... (см. подробности въ *моей* брошюрѣ: «*Чего ждутъ*»..., стр. 12. 11. 10. 9 и др.). О какомъ же презрѣніи Господа къ женщинѣ послѣ всего этого можно было бы еще говорить? Это презрѣніе остается пока лишь въ одной больной головѣ Геккеля—и только!

Въ-четвертыхъ, св. Ап. Павелъ, толкуя ученіе своего Учителя, опредѣленно заявляетъ, что въ христіанствѣ уже нѣтъ различія между «*мужескимъ поломъ*» и «*женскимъ*»,—«*ибо всѣ*» христіане—«*одно во Христѣ Іисусѣ*» (Галат. III, 28).

Ясно, какъ день, что о какомъ-либо превосходствѣ мужчины предъ женщиной, о какомъ-либо униженіи послѣдней предъ первымъ,—по ученію великаго Апостола,—нельзя и говорить... Готъ же св. Апостолъ даетъ «*мужьямъ*» заповѣдь — «*любить своихъ женъ, какъ и Христосъ возлюбилъ Церковь и предалъ Себя за нее*» (Ефес. V, 25),—«*любить своихъ женъ, какъ свои тѣла*»: вѣдь «*любящій свою жену любитъ самого себя*» (—28). Мужъ и жена—«*одна плоть*» (—31). «*Каждый... да любитъ свою жену, какъ самого себя*» (—33)... Развѣ здѣсь не предполагается само собою «полноправіе» мужа и жены, о чемъ такъ хлопочетъ Геккель? Развѣ здѣсь хотя бы однимъ намекомъ говорится, что бракъ, соединяющій мужа и жену въ «*одну плоть*», есть какое-то «зло», да еще «*неизбѣжное?*» Развѣ здѣсь дается хотя бы самое призрачное основаніе предполагать, что брачныя отношенія,—по христіанской точкѣ зрѣнія,—носятъ чудящійся разстроенному воображенію Геккеля какой-то «нечистый характеръ?..» И чего только можно не выдумать еще противъ ненавистнаго всѣмъ этимъ «антихристамъ» высокаго христіанскаго ученія? По христіанскому воззрѣнію, «*честный бракъ и непорочное ложе*», напротивъ, достойны похвалы, и только «*блудники и прелюбодѣи*» заслуживаютъ суда Божія (Евр. XIII, 4. Ср. 1 Коре. VI, 15). Если, по Апостолу, «*вѣрующая жена*» можетъ «*освятить*» «*невѣрующаго мужа*» (1 Коре. VII, 14).—то развѣ отсюда можно сдѣлать Геккелевскій выводъ, что въ христіанствѣ «женщина ниже мужчины?..»

Въ-пятыхъ, вѣдь въ христіанской Церкви бракъ — одно изъ семи церковныхъ таинствъ (для любознательныхъ читателей въ данномъ случаѣ является интересною прекрасная диссертація *проф. А. Л. Катанскаго*: «*Догматическое ученіе о семи церковныхъ таинствахъ въ твореніяхъ древнѣйшихъ отцовъ и учителей Церкви до Оригена включительно*»; Спб., 1877 г.)... Этого никогда не слѣдуетъ забывать, — но это съ тѣмъ вмѣстѣ и до очевидности ясно говоритъ, что ни о какомъ униженіи брака и семьи, обусловливаемой бракомъ, въ христіанствѣ невозможно и думать... Если бракъ—таинство, священнѣйшее установленіе..., то какъ же онъ можетъ считаться въ то же время и «неизбѣжнымъ зломъ?..» Вѣдь, если Геккель рѣшительно на каждомъ шагу сочиняетъ небылицы про христіанство, инсинуируетъ недобросовѣстно, злостно лжетъ,—то развѣ можно въ то же время считать его честнымъ ученымъ,

правдивымъ человѣкомъ? Что-нибудь ужъ одно. А то и другое вмѣстѣ—недопустимо...

Въ-шестыхъ, заглянувъ въ исторію христіанской Церкви, Геккель увидѣлъ бы огромное множество женщинъ, причисленныхъ къ лику святыхъ за ихъ высокіе христіанскіе подвиги, за перенесенныя ими мученія за вѣру, за ихъ необычайную стойкость въ вѣрѣ и пр. и пр. Развѣ это—маловажная характеристика «діакониссы Ѳивы», которая, по словамъ Ап. Павла, была *«помощницею»* не только *«многимъ»*, но и ему *«самому»* (Римл. XVI, 1. 2)..., — или Прискиллы, которую вмѣстѣ съ ея мужемъ тотъ же великій Апостолъ называетъ своими *«сотрудниками во Христѣ Іисусѣ, голову свою полагавшими за»* его *«душу»*, такъ что ихъ *«не я одинъ»*, — говоритъ Апостолъ,—*«благодарю, но и всѣ церкви изъ язычниковъ»* (Римл. XVI, 4. Ср. Дѣян. XIX, 26. 2)?.. А первомученица Ѳекла, презрѣвшая мірскія блага, — ужасныя мученія и дерзновенно проповѣдывавшая Христа? «Она первая», по словамъ Никиты Пафлагонскаго, «первая изъ женщинъ напряженными бореніями устранила безславіе женскаго пола,—первая... не сильными ногами попрала великаго змія, почему, какъ вѣнценосная царица, находится одесную Всецаря»... (см. *мою* брош.: «*Чего ждутъ*».... стр. 13. 14. Тамъ есть ссылки на *А. Н. Надежд.* и на друг.). Африканская мученица Перпетуя и съ нею пострадавшая Фелицитата, «безбоязненно перенесшія все за Христа и послужившія диковиннымъ примѣромъ для современниковъ и для всѣхъ, кто когда-либо потомъ о нихъ слышалъ..., — развѣ онѣ говорятъ за Геккеля и ему подобныхъ? Во время гоненій святыя тѣла мучениковъ нерѣдко оставались неубранными: христіане боялись вниманіемъ своимъ къ мученическимъ останкамъ привлечь на себя ярость мучителей. И кто же тогда всего больше проявилъ мужества? Христіанскія женщины... Онѣ именно «особенно потрудились въ дѣлѣ собиранія» и сохраненія «мученическихъ останковъ». «Собирали» ихъ, «погребали»... А послѣ, «по указанію женщинъ», и прочіе вѣрующіе «собирались на мѣстѣ погребенія, отдавали должную честь погребеннымъ, иногда строили здѣсь храмы и т. д.» (см. *мою* брош.: «*Чего ждутъ*»..., стр. 14—15. Тамъ есть указанія и на *А. Н. Над.*). Развѣ подобное поведеніе христіанскихъ женщинъ не могло вызвать глубокаго къ нимъ удивленія и благоговѣнія? И вызвало... Этихъ женщинъ и понынѣ прославляетъ христіанская Церковь и ублажаетъ, а не относится къ нимъ презрительно, г. Геккель.

Во-истину замѣчательны наблюденія надъ жизнью семьи, женщины... до эпохи христіанской и въ христіанскую, но въ ередѣ языческой! У язычниковъ царилъ развратъ (не только римлянъ, но и у грековъ и др., какъ царитъ онъ и теперь въ той части европейскаго культурнаго общества, которая, ереставъ быть христіанскою, строитъ свою жизнь на языческой, полюбившейся ей, основѣ),—развратъ, возведенный даже въ особый культъ (почитайте для примѣра хотя бы краснорѣчивыя творенія христіанскаго писателя Лактанція, очень внушительно описывающаго языческія мерзости). Многоженство, роституція (даже въ средѣ знатныхъ римскихъ матронъ), постыдная «торговля женщинами» и т. д.—все это были слишкомъ бычныя явленія въ языческой, не просвѣщенной христіанствомъ, редѣ. И кто спасъ семью вообще,—кто возстановилъ ея чиоту нравственную? Кто? Да христіанство и оно только одно. то долженъ бы помнить непрерывно Генкель съ его «товаищами» и «руководителями» во главѣ съ пресловутымъ Саадиномъ... Онъ долженъ бы помнить и то, въ частности, что ъ христіанствѣ огромнѣйшую въ этомъ случаѣ роль выполили именно женщины, уже за это одно заслужившія высоую честь и отмѣнную похвалу. Таковы, напр., *Нонна*, мать з. Григорія Богослова, «обратившая ко Христу» своего мужа»—язычника и потомъ «много помогавшая своему епископу въ управленіи церковью», *Моника*, мать бл. Августина—образецъ матери—христіанской», — *діаконисса Олимпіада* — истинный ангелъ хранитель» св. І. Златоуста,—*Павла*, «построившая на дорогѣ къ Іерусалиму странноприимный домъ», остроившая два монастыря... Подобныхъ именъ можно было ы назвать сотни и, при томъ, безъ всякаго труда. И вполнѣ естественно, посему, что «предъ такими великими христіанскими женщинами, воспитывавшими даже цѣлыя поколѣнія—честныя, добродѣтельныя, святыя—не могли не преклоняться ь «истиннымъ удивленіемъ» и сами язычники. *Что это за женщины у христіанъ!* воскликнулъ Ливаній, одинъ изъ знаменитыхъ ученыхъ язычниковъ 4-го вѣка, который самъ имѣлъ своею» спеціальностью «воспитаніе и образованіе юношества, но з вадалъ такихъ» рѣдкихъ «плодовъ, до какихъ достигла ристіанская, невидная для міра», но огромнѣйшая по существу, воспитательная дѣятельность христіанскихъ матерей» и женщинъ вообще... (см. *мою* брош.: «*Чего ждутъ*»..., стр. 15—16. амъ есть ссылки на *Надежд.*—стр. 302...,—на 1-й т. русск.

акад. изд. творен. *св. І. Злат.*,—на 41-й, 44-й, 38-й полут. «*Энцикл. Слов.*» *Брокгауза-Ефрона*)... Далѣе, развѣ не прославляются въ христіанствѣ много сдѣлавшія для православной Церкви такія великія женщины, каковы, напр., *императрица Ирина*, содѣйствовавшая возстановленію иконопочитанія,—*императрица Ѳеодора*, доставившая православію полное торжество возстановленія авторитета 7-го вселенскаго собора,—еще раньше ихъ *равноапостольная царица Елена*, которая «обрѣла въ Іерусалимѣ крестъ Господень и украсила храмами мѣста въ Палестинѣ, прославленныя во время земной жизни Спасителя»,—впослѣдствіи *св. княгиня Ольга* русская,—*преп. Евфросинія полоцкая*, *пр. Анна Кашинская*... или *равноапостольная Нина* — просвѣтительница Грузіи и огромное множество другихъ (см. *мою* брош.: «*Чего ждутъ*»... стр. 16—17. Тамъ есть ссылки и на «*Мѣсяцесл.*» *архіеп. Сергія*, и на 5-й т. «*Правосл. Богосл. Энциклоп.*» *А. П. Лопухина*, и на 41-й полут. «*Энц. Слов.*» *Брокг. Ефр.*)?... И развѣ все это и подобное,—повторяемъ,—можетъ сколько-нибудь говорить о какомъ-либо униженіи женщины въ христіанствѣ, какъ таковомъ? Не наоборотъ ли, г. Геккель? Не унижалась ли женщина тамъ именно всегда, гдѣ христіанство, его вліяніе ослабѣвало, отступало? Да,—тамъ всегда женщина унижалась,—тамъ всегда, въ причинной связи съ этимъ, ослабѣвали въ соотвѣтственной степени и семейныя узы и пр. Посмотрите для примѣра, напр., на современную Францію, гдѣ масоны и евреи дѣятельно искореняютъ христіанство, даже и то въ немъ, что представляется высоко полезнымъ и самимъ имъ, но что все же можетъ напоминать о ненавистномъ имъ Господѣ нашемъ І. Христѣ. Не крайній ли упадокъ семьи, не крайнее ли униженіе женщины являются для Франціи какъ нельзя болѣе характерными? Впрочемъ, посмотрите и на наше отечество... Тоже самое замѣчается и здѣсь въ причинной опять-таки связи съ упадкомъ религіозной вѣры, съ ослабленіемъ христіанскихъ принциповъ... Чѣмъ болѣе слабѣетъ вліяніе ненавистнаго Геккелямъ христіанства,—чѣмъ болѣе поднимаютъ голову творцы «Саниныхъ» и др.—г.г. Арцибашевы, Куприны, Л. Андреевы, Горькіе... и вся эта нравственная грязь и мразь, развращающая читателей, особенно юношество...,—чѣмъ болѣе овладѣваютъ вниманіемъ публики безбожные соціалисты съ животною и даже звѣрскою этикою—всѣ эти Бебели, Дитцгены, И. Гюйо, Каутскіе, Менгеры и т. п.,—тѣмъ болѣе и болѣе

принижается женщина, сводятся къ нулю семья и ея значеніе... Гдѣ женщина низведена въ положеніе лишь животной самки,—гдѣ половыя сношенія поставлены на одинъ уровень съ половою жизнью скотскаго хлѣва,—гдѣ свободно и громко высказываются мечты о безнаказанности истребленія утробнаго плода и прочихъ подобныхъ же пріемовъ и средствъ, лишь бы не стѣснялись сверхъ-скотскія склонности потерявшихъ всякій стыдъ и совѣсть людей или точнѣе «бывшихъ» людей?... Гдѣ, г. Геккель? Да именно въ восхваляемомъ вами нехристіанскомъ обществѣ (см. *мою* подробную рѣчь объ этомъ въ *моей* статьѣ: «*Десятословіе и соціалъ-демократическая моралъ*»; «*Странникъ*», 1906 г., октябрь)...,—въ средѣ *вашего* покроя г.г. естествоиспытателей, отождествляющихъ женщинъ съ «родною» (!) ея сестрою обезьяною и желающихъ заставить первую жить не по—человѣчьи, а именно по-обезьяньи и пр. (ср., между прочимъ, *мою* брош.: «*О христіанской семьѣ*» etc.; Спб. 1901 г.)... Геккель и подобные ему господа несомнѣнно страдаютъ «нѣкоторымъ» дальтонизмомъ. Поэтому какъ въ сужденіи о «первыхъ христіанахъ, бывшихъ» будто бы «большей частью чистыми коммунистами, отчасти соціалъ-демократами» («*Мір. Заг.*», стр. 165) (по противоположности чему, см., напр., отличныя статьи: *К. Черткова*; «*Былъ ли среди первыхъ христіанъ коммунизмъ*»,—«*Мисс. Обозр.*», 1907 г., №№ 7—8; *проф. М. Е. Поснова*: «*Первая христіанская община и коммунизмъ*,»—«*Христ. Чтен.*», 1909 г., апрѣль и май и мног. друг.), Геккель смѣшалъ бѣлое съ черными,—какъ и въ сужденіи объ отношеніи къ женщинѣ, къ семьѣ-христіанскаго ученія и ученія не-христіанскаго онъ же перепуталъ цвѣта: языческое принялъ за христіанское, а христіанское—за языческое,—то, въ чемъ безусловно повинны не-христіане и только они одни, приписавъ, по свойственной ему слѣпотѣ (духовному «дальтонизму»), христіанству, а добрыя стороны (другихъ здѣсь, конечно, и нѣтъ) послѣдняго язычеству! Обвиненіе отправлено имъ не по надлежащему адресу и возвращается обратно съ обязательствомъ уплаты почтовыхъ расходовъ, вызванныхъ необдуманными дѣйствіями писавшаго...

Таковъ-то современный «*антихристъ*», горделиво возстающій на Христа и Его святую Церковь! Онъ весь въ *данномъ* случаѣ—сплошная ложь и такая же клевета. Его богохуль-

ными устами, забывающими о близкомъ, назначенномъ для всякаго человѣка, предѣлѣ (Геккелю уже болѣе 77-и лѣтъ отъ роду!), руководитъ, въ сужденіяхъ о христіанствѣ, только одна демонская злоба, пользующаяся безъ содроганія отборными циничными и кощунственными пріемами, встрѣчаемыми шумными рукоплесканіями со стороны всѣхъ такихъ же безбожниковъ и ругателей всего святого, чѣмъ жило дотолѣ человѣчество и что облагораживало собою бытіе послѣдняго... Правды у Геккеля, посему, не ищите! Не думайте, что онъ побуждается въ своихъ антихристіанскихъ писаніяхъ и любовью къ ближнему. Онъ любитъ только себя, хлопочетъ только о своей славѣ, какою бы цѣною она ни была куплена... Отсюда *истинная* цѣна его махинацій справедливо низведена всѣми его серьезными критиками къ нулю. И чѣмъ болѣе ему все же удается опутывать неопытныхъ и недальновидныхъ своими льстивыми и лживыми рѣчами, тѣмъ болѣе и болѣе надлежитъ его разоблачать и безпощадно изобличать, чтобъ тѣмъ скорѣе отсѣчь этотъ сгнившій и заражающій общечеловѣческій организмъ членъ...

Христіанство,—*твердо вѣримъ*,—всегда останется незыблемымъ, хотя бы выступилъ противъ него весь адъ со всѣми приспѣшниками и выдвинулъ всѣ, имѣющіяся въ его распоряженіи, средства... А «антихристы» въ родѣ Геккеля и подобныхъ ему лицъ, напр., яснополянскаго ересіарха и лжеучителя (см. о немъ *мои* статьи: «*Знамъ-лы Толстой Евангеліе*»,—«*Колоколъ*», 1911 г., № 1678; «*Почитателямъ Толстого*»: ibid., № 1688—№ 1689; «*Послѣдній христіанинъ*»,—«*Церк. Вѣстникъ*» 1911 г., №№ 5—6; «*Къ характеристикѣ нравственной стороны современнаго общества*» etc.—«*Христ. Чтен.*» 1896 г., май-іюнь; «*Неизмѣнный поклонникъ Л. Толстого въ роли критика*» его...,—«*Церк. Вѣстн.*» 1896 г., № 15; «*О любви къ отечеству*»...—Спб. 1901 г.; ср. «*Хр. Чт.*»1900 г., май...; и мног. др.)...,—конечно,—забудутся, и самая «*память*» о нихъ «*исчезнетъ съ земли, и именъ*» ихъ «*не будетъ на площади*» (Іов. XVIII, 17).

«Dixi!..»

Профессоръ А. Бронзовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки